

Георгий ЛОПАТИН

**Возвращение
Экспедиционного
корпуса**

Экспедиционный корпус

Георгий Лопатин

**Возвращение
экспедиционного корпуса**

«Автор»

2023

Лопатин Г. В.

Возвращение экспедиционного корпуса / Г. В. Лопатин —
«Автор», 2023 — (Экспедиционный корпус)

Михаил Климов добился своей первой цели – стал командиром всего Экспедиционного корпуса. Теперь осталось довести его в Россию с минимальными потерями, сплотить людей в пути и, вмешаться в разворачивающуюся на Родине Гражданскую войну.

© Лопатин Г. В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

1	5
2	8
3	11
4	16
5	19
6	23
7	25
8	27
9	30
10	34
11	38
12	41
13	44
14	47
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Георгий Лопатин

Возвращение экспедиционного корпуса

1

В конце апреля Русскую особую дивизию (РОД) французское командование из лагеря Майльи снова перевело на фронт, но не на боевой участок, а на второстепенный, что располагался южнее основного театра боевых действий. Общая протяженность участка составляла двадцать пять километров.

В целом приемлемо несмотря на внушительную длину. Учитывая, что в РОДу шесть полков по три батальона, всего выходило восемнадцать батальонов. Половина на втором и третьем рубеже обороны отдыхают, то на передовой девять батальонов итого каждому достался участок чуть меньше трех километров. На роту из почти двухсот пятидесяти человек – меньше семисот метров.

Поскольку основные боевые действия шли севернее, то здесь установилась тишина, если не считать редких обстрелов устраиваемых обеими сторонами, чтобы противнику жизнь совсем уж медом не казалась. Ни немцы, ни русские не проявляли заинтересованности в обострении ситуации. Для немцев – опасно, на линии третьесортные войска, русским – нафиг не нужно.

Капитан Михаил Антонович Климов, встав во главе РОДа...

«Даже звучит как-то сюрреалистично и внушительно», – подумал он как-то по этому поводу.

Возникло неуместное желание немного пошутить с аббревиатурой и переставить слова так, чтобы получилась ОРДА, но не нашел ни одного подходящего слова на букву «А». Ну и РОД звучало все-таки как-то монументальнее и объединяюще.

...Занялся восстановлением иерархии управления. Офицеров после всех произошедших событий: революции и сражения под Курси, катастрофически не хватало. Оставшихся в строю штабс-капитанов и капитанов, выказавших свою лояльность новому, выбранному Солдатскими комитетами, комдиву и коих приняли сами солдаты (некоторых из лояльных они «попросили» свалить из РОДа куда подальше, ибо не доверяли им в силу разных причин, да и как терпеть над собой того, кто относится к тебе как к скоту?), едва хватило, чтобы заполнить вакансии командиров батальонов и полков.

С командирами рот дела обстояли откровенно плохо. Младший офицерский состав: прапорщики, подпоручики и поручики, особенно в Первой бригаде понесли значительные потери во время наступления. Немецкие снайперы выцеливали именно их и надо сказать, работали они весьма эффективно. Опять же некоторых офицеров, что в свое время раздавали жестокие наказания по поводу и без, обворовывали своих подчиненных, чтобы прогулять их деньги в Париже с проститутками, так же не приняли солдаты. Особенно с этим плохо было в ротах Четвертой бригады, где на выход попросили две трети офицеров, кои совсем «потеряли берега».

Из части «изгоев», что обиделись недостаточно сильно, чтобы «хлопнуть дверью», Климов собрал штаб РОДа, но в итоге на семьдесят шесть рот осталось всего шестьдесят четыре младших офицера. При этом далеко не все из них годились в командиры рот, те же прапорщики по своим профессиональным качествам едва соответствовали командирам взводов и доверить им роты, вот так сходу стало бы не самым умным шагом.

Климов, видя такое дело с дефицитом младшего комсостава первым делом провел небольшую реорганизацию. Так как во время боевых действий дивизия потеряла убитыми, пропавшими и ранеными порядка двух тысяч человек (десять рот практически особенно с

учетом прежних потерь), то это дало ему возможность, расформировать часть рот, восполнить поредевшие роты и даже немного их укрупнить, так что в итоге от семидесяти шести рот осталось только шестьдесят пять, сделав батальоны трехротными, плюс пулеметные роты. На роты поставил вменяемых командиров из маршевых батальонов, так что верхний уровень командования он более-менее закрыл.

Осталось решить вопрос с командирами полурот и взводов. И тут Михаил решил воспользоваться «революционным порядком», под что можно было подвести любые новации (главное не увлекаться), сказав:

– Солдатские комитеты путем голосования должны выдвинуть из состава своих рот пользующихся доверием боевых товарищей кои после краткого обучения необходимым для командования дисциплинам займут должности командиров отделений, взводов и полурот, получив звания младший прапорщик, прапорщик и старший прапорщик. Желательно конечно если это будут уже почти готовые кадры из унтер-офицерского состава и фельдфебели, а на их место поставить пригодных для этих должностей ефрейторов и солдат.

Это солдатам очень понравилось. Капитан так же решил кинуть им еще одну вкусняшку.

– Так же, помимо офицеров, сами Солдатские комитеты теперь имеют право представлять солдат своих рот на награды: солдатскими георгиевскими крестами и медалями.

Солдаты из комитетов собранных для встречи стали гудеть еще громче.

– А медали эти будут с ликом прежнего императора?

– Как оформят в скором будущем новый вид награды, так и поменяем. Скорее всего все того же святого Георгия отчеканят.

– Тогда ладно...

– Только не увлекайтесь, – усмехнулся в ответ Климов, заметив плутоватые ухмылки у части комитетских. – Я лично стану тщательно разбирать каждый случай награждения. Ну и сами должны понимать, что каждая кривда с наградой сильно ударит по доверию к такому институту власти как Солдатский комитет в глазах самих же солдат и в итоге вы сами же дискредитируете этот орган власти. Оно вам надо?

– Не бойтесь, не порушим! А кто начнет шельмовать, таких сами выгоним предварительно проучив! У нас не забалуешь!

– А вы, тогда, как же? – спросил вдруг Родион Малиновский, что стал одним из председателей Солдатского комитета от пулеметной роты.

История чуть изменилась и Малиновский не получил тяжелого ранения в руку, что как помнил Михаил с ним произошло в изначальной исторической последовательности, хотя легкую контузию все же выхватил.

– Что я? – не понял капитан.

– Вас кто будет представлять к наградам? За тот же захват «Свиной головы»? Ведь если бы не ваш тот дерзкий ход с прорывом на тракторе, а потом бой внутри, то сколько бы еще солдат полегло во время бесполезных штурмов?

Климов невольно провел рукой в районе все еще саднящей раны напротив сердца. Ели бы не бронежилет, что едва выполнил свою функцию, ведь выстрел получился практически в упор, то... он повторил бы судьбу реципиента.

– Даже не знаю... – невольно призадумался он. – Правительство наверное... временное... должно оценить...

– К черту это правительство, да еще временное! Кому как не нам и оценивать наших командиров?! – встав, сказал фельдфебель Анисимов – председатель СК от всего первого батальона, обращаясь к сослуживцам. – А?! Что скажите, товарищи?! Наградим товарища капитана?!

– Верно сказал Прокопий! – поддержали его остальные собравшиеся.

– Мы и оценим!

– Честно оценим! А то цепляют генералы себе награды по случаю и без, словно рыбины все в чешуе из орденов!

Солдаты заржали.

В итоге через пару дней, после довольно шумных дебатов в ротах, во время которых чуть до драк не доходило, Климову принесли представления на «Егорииев» и медалей для отличившихся в боях солдат, а так же решение председателей Солдатских комитетов всего РОДа о награждении комдива капитана Климова Георгиевским крестом сразу третьей степени.

– У меня еще и четвертой нет, – для порядка напомнил Михаил.

– Мелко как-то за такое дело четвертую степень давать, – сказал все тот же Прокопий Анисимов и добавил с улыбкой: – Потом может за что другое присудим.

– Ну спасибо!

И вот, пока РОД стоял на выделенном им участке фронта, пользуясь спокойной обстановкой на третьей линии происходило обучение выдвинутого из солдат и унтеров будущего младшего офицерского состава. Помимо тех предметов, что им следовало знать, коим обучали согласившиеся поработать учителями прапорщики и подпоручики, что сами не так давно вышли из учебных заведений (парочки даже тетради с лекциями сохранились!) Климов так же вел их обучение тактическим приемам из своего времени.

Обучение шло быстро. Не с нуля ведь учить приходилось. Солдатские комитеты перечить комдиву не стали и действительно на младшие офицерские должности выдвинули унтеров и фельдфебелей (коих вообще-то тоже неслабо проредило), а оные если говорить прямо в иных случаях в чисто практическом плане являлись куда как компетентнее тех же скороспелых прапорщиков военного времени. Так что осталось лишь формально прогнать их через «школу», выдать соответствующий документ и вуаля, готовы новые прапорщики. Дать более высокие офицерские звания, что соответствовали бы занимаемым должностям, Климов все же не смог, но собирался быстро повысить их по уже отработанной процедуре, на сколько это позволяла ему его должность.

А чтобы отличать «революционных» прапорщиков от прежних, на погоны им присобачили небольшие лавровые веточки из латуни.

Так что тот же ефрейтор Малиновский по итогу стал младшим прапорщиком с одной лавровой веточкой на должности обычного прапорщика, а фельдфебель Анисимов – старшим прапорщиком с тремя веточками на должности поручика.

2

У французов тем временем, чем дальше, тем яснее становился уровень постигшей их военной катастрофы. Немцы сражались отчаянно и в тыл на запад шли целые эшелоны плотно забитые ранеными. Легкораненые сидели даже на крышах. На одном из поездов вдоль всего состава было написано «Скотобойня» и рядом в насмешку лозунг президента Пуанкаре: «Да здравствует мир».

О происходящем на фронте Климов узнавал в первую очередь от графа Игнатьева, что регулярно навещался на позиции РОДа, одновременно являясь своеобразным посредником между дивизией и французским военным министерством.

– Это катастрофа Михаил Антонович, – качая головой, говорил полковник. – По самым скромным подсчетам только потери французов на двадцать пятое апреля составляют около ста тысяч человек. Пятая и Шестая армии захлебнулись в крови. Потери англичан и их сателлитов точно неизвестны, но порядка сорока пяти тысяч...

– А как обстановка в тылу, Алексей Алексеевич? А то до нас доходят невнятные слухи, так что не знаем, чему верить...

– Плохо. Нарастает пацифистская пропаганда, коя разлагающе действует на общество. По описанию, что я получал, все то же самое что происходило в России перед революцией... Среди гражданских и в армии усиливаются чувства озлобления и разочарования. Правительство и командование обвиняют в неумелом руководстве, а тут еще эти листовки от некоего Французского революционного фронта и прочих партий...

Климов едва сдержался, чтобы не улыбнуться, широко, от уха до уха. ФРФ являлась его детищем. Сейчас всей работой по печати и распространению материалов занималась Елена Александровна Извольская, дочь посла России во Франции, кою Климов фактически завербовал, сыграв на патриотических чувствах и ностальгии. Хотя должен был сам себе признаться, что тут все же имелось нечто большее чем просто вербовка. Чем-то эта девушка, прямо скажем не первая красавица, его зацепила, хотя она по своему типу являлась совершенно не в его вкусе.

Но как оказалось, на этом политическом поприще действовал не только он. На волне неудач на фронте подняли различные социалистические, анархические и прочие партии оппозиционные нынешней власти. Отпускные солдаты нередко присутствовали и участвовали на различных митингах и собраниях. По возвращении в свои части эти солдаты оставались в переписке с вожаками данных мероприятий, ну и распространяли какие-то материалы среди сослуживцев, что совсем не способствовало спокойствию на фронте.

Но поскольку ФРФ начало действовать раньше всех, до начала Нивельской мясорубки, а не во время оной, когда стало ясно, что дело дрянь, то авторитет именно этого движения оказался внушительнее прочих. Хотя, конечно, после того, как повылазили из темных щелей остальные и начали свою явную агитацию, вес ФРФ начал падать, но все еще оставался на достаточно высоком уровне.

Против ФРФ сильнее всего играло все еще сохраняющаяся таинственность относительно личностей основателей партии и отсутствие митингов под его эгидой. А люди больше доверяют все же тем, с кем они могли поговорить лично и просто смогли увидеть. Но увы, тут Михаил ничего не мог поделать. Не самому же на митингах выступать? Оставалось надеяться, что резерва авторитета партии хватит для его целей к моменту когда придется задействовать этот ресурс.

– Особенно активная агитация идет в пользу мира на железнодорожных станциях и в рабочих кругах, – продолжал рассказывать граф. – Говорят в пользу забастовок на заводах,

работающих на оборону, а также ведется кампания против обработки земельных участков. Это явно дело рук немцев...

Климов согласно кивнул при этом поморщившись, и сказал:

– Да, грубо работают. Словно по той же методичке по которой работали в России, но тут вам не там... тоньше надо.

Дальше-больше.

В верхах французской армии начались разногласия относительно того, как нужно действовать дальше, наступать или же наоборот отступить и перейти к обороне. Это конечно не могло остаться тайной и быстро стало известно во всех армейских кругах, ну и соответственно в целом в обществе. Шила в мешке не утаишь. При этом суждения приобрели резкую форму, до обвинений во всех смертных грехах, вплоть до предательства. Усиленной критике подвергались действия начальников, начало складываться недовольство, а местами и открытый ропот. Эпитеты «мясник», «живодер», «дуболом» и прочие, раздавались направо и налево.

Дело дошло до того, что на передовой начались первые отказы от выполнения приказов. Делались попытки передачи власти в некоторых частях минуя прямых начальников в руки выборных офицеров и солдат, что жестко пресекалось и что в свою очередь вело к еще большему озлоблению.

Третьего мая во Второй пехотной дивизии колониальных войск были замечены признаки коллективного неповиновения. Но его без труда подавили. Неграм слова не давали... Однако глухое возбуждение продолжало расти среди французских солдат, как в пострадавших частях, которых после урезанного отдыха снова посылали на линию огня, так и в свежих дивизиях, которые при приближении к линии огня слышали потрясающие рассказы сменяемых ими товарищей и главным лейтмотивом таких рассказов стало: «Нас вели на бойню!»

За первую половину мая в солдатских письмах все чаще слышатся угрозы неповиновения: «Мы останемся в окопах, но не пойдем больше в атаку!», «Мы не желаем больше погибать у проволочных заграждений неприятеля!», «Бессмысленно идти против оставшихся в целости пулеметов!» и так далее, и тому подобное.

Пошли требования предать суду высший генералитет: Нивеля, Мазеля, Манжена, Мишле и других.

В середине мая в очередной раз приехала Елена Извольская с сообщением об отставке генерала Нивеля и сменой его Петэном и даже собралась какая-то судебная комиссия по расследованию. Парламент попытался спустить пар народного недовольства в свисток, чтобы их самих не линчевали. Марши протеста по Парижу шли один за другим.

Если Игнатьев больше сообщал о делах непосредственно в армейской среде, то Елена говорила о происходящем в гражданском обществе.

– Францию в целом и Париж в частности, просто захлестнула волна забастовок, но вместо того, чтобы, как ожидалось силой подавить выступления рабочих, власти проявляют просто невероятную терпимость. Они привлекают к разрешению проблем учителей, священников и писателей...

Да, тут французы Михаила удивили.

– Хотя все объяснимо, – произнес он, немного подумав, – франки видели к чему привело силовое давление на рабочих в России, сами ведь тому способствовали, и всеми силами пытаются избежать повторение ситуации у себя...

– Да, ты прав. В каких-то случаях власти идут на уступки, но, по сути, идет забалтывание проблем, создаются различные комитеты в которых много говорят и люди просто постепенно теряют запал растрачивая его в словесных баталиях... То же самое с солдатами.

Но солдат, что постоянно находились на передовой под обстрелами и в за частую бессмысленных и кровавых атаках (боевые действия продолжались несмотря на смену главнокомандующего), ну и немцы тут и там переходили в контратаку, долго водить за нос не получа-

лось. Двадцатого мая на передовой начались первые по-настоящему масштабные бунты. Когда восставали не отдельные полки, а целые бригады и даже дивизии.

– Это оно? – с надеждой спросила Елена, вновь приехав к Климову на передовую с сообщениями о начавшихся бунтах.

– Похоже, что да... оно, – кивнул он после короткой паузы.

Дело в том, что к чему-то подобному Михаил и Елена готовились с самого начала.

По мнению Климова для революции во Франции не хватило совсем немного, последнего толчка, своего рода команды «ату!» на проведение этой самой революции и созданием ФРФ он хотел этот момент исправить, то есть чтобы Французский революционный фронт нарабатыв авторитет среди солдат, выступил именно тем координирующим центром, что даст эту команду остальным.

Что до самого желания устроить революцию в республике, то объявленная для Елены Извольской цель – месть за устроенную с помощью в том числе франков революции в России, то это лишь часть правды, причем малая ее часть, как вершина у айсберга, хотя и месть как таковая тоже имела место быть. Лягушатников Михаил терпеть не мог, как впрочем и всех прочих...

Но главной целью капитана в данном случае являлось возникновение точки напряженности в Европе, чтобы все прочие участники в первую очередь англичане и американцы отвлеклись на нее, а не на Россию. А то ведь он прекрасно помнил об интервенции стран Антанты, так что он решил, что пусть лучше играют в интервенцию во Франции.

«И еще лучше, если тут гражданская война начнется», – подумал он.

– Начинаем операцию «Лавина», – дал официальную команду Михаил Климов.

Елена, хищно-злобно оскалившись, кивнула. Да, для нее все происходящее в первую очередь являлось личной мстостью.

К проведению первого этапа все было готово, листовки отпечатаны, осталось только их распространить.

Правда с этим тоже наметились определенные сложности. В самом начале, когда только ФРФ начало действовать, а все остальные партии сидели тихо, как мыши под веником, отдельные активисты этих партий жаждавших деятельности и борьбы, по своей личной инициативе, на свой страх и риск, распространяли по факту листовки чужой партии. Но сейчас партии вышли на свет, начали выпускать собственные агитационные материалы и распространять чужие никто больше не желал...

Создать собственный актив не имелось никакой возможности, если не считать считанных активистов из числа писателей марксистского толка вроде Андре Бретона, Альфреда Росмера, Анри Гильбо и еще нескольких человек, что еще продолжали с ними работать, и все что сейчас мог Михаил со своей подельницей это просто раскидать листовки на улицах проезжая в ночное время по Парижу. Но это ни о чем. Так что с финальным этапом могли возникнуть большие сложности, если не сказать хуже – провал. Распространить свои листовки в армейской среде достаточно широко, чтобы, поэтически говоря, возникла критическая масса, они своими силами не могли.

«Но да ничего, мы пойдем другим путем, как любит повторять ныне еще здравствующий вождь мировой революции», – подумал Михаил Антонович.

3

Три часа ночи. Климов в свое время зарекся ходить в ночные разведки с проникновением во вражеские окопы, но сейчас без его личного участия никак, потому как к разведке эта вылазка прямого отношения не имела вовсе.

С разведками и захватом контрольных пленных немцев в последнее время особо не досаждали, все боевые действия сейчас происходили на севере куда противоборствующие стороны стянули все свои силы и резервов на сторонние наступательные операции не имелось ни у той, ни у другой стороны. Что подтверждала воздушная разведка, какое бы то ни было движение в тылу немцев отсутствует напрочь. Так какой тогда смысл рисковать?

Да и вообще у Михаила сложилось впечатление, что немцы стали относиться к подобным вылазкам русских в свое расположение, как к неизбежному злу, сродни стихии типа урагана, с которым просто ничего невозможно сделать, чтобы защититься, а значит и особо дергаться нет смысла, и остается просто принять как данность. Захватили очередного пленного? Кисмет.

Только сейчас капитану не требовался обычный «контрольный пленный» или даже младший офицер, чтобы уточнить какие-то данные, полученные от летунов. Ему во что бы то ни стало требовалось добраться до кого-нибудь рангом повыше, капитана, а еще лучше майора, а если совсем повезет, то и полковника.

Двигались крайне аккуратно, перепроверяя каждое свое действие дабы не случилось досадной осечки. В обычной разведке это не фатально – не получилось и не получилось, получится в другой раз, разве что убежать придется под шквальным огнем противника, но сейчас для Климова второго шанса может и не представится, точнее будет потеряно драгоценное время, а в данном случае каждый день на счету.

Вот наконец засекли замаскированную позицию наблюдателя. Но даже после того, как он перестал осматривать позиции никто не шелохнулся и продолжили напряженно вглядываться во тьму в попытке обнаружить второго наблюдателя в еще более тайном лежбище. Немцы те еще затейники, когда их прижмет.

Минуты текли за минутами. Климов уже готов был признать, что дополнительного секрета нет, когда один из его бойцов прошептал:

– На одиннадцать часов... примерно в ста шагах... вроде валун или пень... мне показалось, что он шевельнулся...

– Ага, вижу...

Снова поползли долгие минут ожидания, чтобы понять периодичность работы второго наблюдателя. Тот не филонил и оглядывался каждые пять минут и выявлять зазор в его работе с первым. Таких секретных наблюдателей как правило не меняли и они сидели в своем лежбище почти всю ночь, для чего что-то жрали из химии или органики, что не только не давало им уснуть, но и обостряло зрение.

С обнаружением тайного наблюдателя началась прокладка прохода в проволочном заграждении, на что ушло больше получаса.

Резали осторожно. Дело в том, что немцы все-таки очень хорошие ученики, ну и «научил» их Климов на свою голову растяжки ставить. Немцы ведь тоже поначалу наведывались в русские окопы, вот только в первый же раз зацепили леску с гранатой, та естественно бахнула. Но кто-то успел уйти с информацией о «подлой» русской ловушке, ну и с тех пор немцы сами ставили подобные у себя. На чем так же чуть позже попались русские разведчики.

Тем временем произошла смена штатного наблюдателя. Климов давно распределил роли своим бойцам и осталось только дать команду, чтобы они начали действовать, что он и сделал, улучив подходящий момент:

– Работаем.

Стремительные тени метнулись вперед. Две тени устремились по траншее к штатному наблюдателю и еще две, перепрыгнув через окоп атаковало секретного наблюдателя. Вот с ним могли возникнуть сложности, наверняка позиции вокруг плотно заминированы все теми же растяжками и тут уже во многом все зависело от удачи.

Потому двигались разведчики весьма оригинально, «злодейским бегом». То есть как показывают карикатурных злодеев, когда они бегут высоко поднимая ноги на носках.

Такой способ передвижения во много уменьшал риск зацепить растяжку, чем если бы бежали классическим «шаркающим» бегом. А если даже кто-то и наступит на леску, то существовала вероятность, что это не приведет к срабатыванию, так как получится недостаточное натяжение, чтобы выдернуть чеку из гранаты.

Бойцам долго пришлось тренироваться под смех товарищей, многие во время учебы вывихнули ноги, но тем не менее «злодейский бег» освоили, но... время от времени случались досадные конфузы. Вот и сейчас, один из бойцов все же не удержался на ногах, споткнулся и без единого звука рухнул на землю. Беззвучному падению, как бы ни было больно, первое чему учил Михаил, да и мужики не дурни, прекрасно все понимали, что орать в таких делах последнее дело. К счастью никакую ловушку не задел и ни взрыва не произошло, ни сигнальной ракеты не взлетело.

«Это если нет какой-то хитрой ловушки на размыкание электрического сигнала и сейчас где-нибудь в офицерском убежище вполне возможно звенит звонок», – подумалось Михаилу, что устроил подобную сигнализацию у себя.

Сам он таких ловушек мог придумать множество.

Тем временем второй боец заметивший конфуз товарища, в несколько прыжков добрался до цели, падение тела все-таки не бесшумно, что-то звякнуло, и сделал несколько выстрелов из пистолета с глушителем просунув его в видимую ему амбразуру. Пороховой заряд патронов у пистолетов, что брали на дело, до предела ослабляли, пороха только и хватало, что выплюнуть пулю. Она даже не всегда могла пробить череп с нескольких шагов... особенно лобную часть. Так что требовалось попадать в глаз, висок или сердце с прочими жизненно важными органами. И видимо попал, так как все по-прежнему оставалось тихо.

Со штатным наблюдателем разобрались еще раньше, так же всадив несколько пуль, благо без бронежилетов на пост встают (к чему лишняя тяжесть?) и сейчас замерли в ожидании не выглянет ли кто на шум. А выстрелы хоть и тихие, но все-таки в ночной тишине отчетливо различимы, да и вскрик какой-то все же прозвучал.

Климов, готовый в любой момент принять жесткий бой, замер с пистолетом в одной и гранатой в другой руке, пытаясь определить, все ли прошло как надо или же сейчас с секунды на секунду поднимется вселенский хай. Но удача продолжала улыбаться им во все лицо и продолжала стоять тишина.

Дальше стало проще. Пара бойцов осталась на месте, встретить проверяющего офицера или унтера буде такой появится, а сам Михаил с еще парочкой солдат двинулся ко второй линии окопов обойдя пулеметный ДОТ, что так же густо окружен ловушками.

Найти офицерское убежище не составило труда. Даже не зная планировку понять, где живут солдаты, а где офицеры несложно, они всегда выше, чтобы не утопать в воде после дождей.

Рядом с офицерским убежищем располагалось убежище для их личных слуг. Осторожно поверили обе двери, но они, как и ожидалось, оказались закрыты.

– Ждем...

Михаил с солдатами залегли наверху в своих масках.

Ждать долго не пришлось, причем открылась дверь именно в офицерское убежище из которого вышел младший офицер, и глубоко несколько раз вздохнув, сунул в рот папиросу и

начал чиркать спичкой по коробку. Но все попытки оказались тщетны, а до удачной попытки он так и не добрался.

Климов мгновенно соскользнул вниз со своими людьми и лейтенанта огрели по голове. Пока пленника вязали Михаил скользнул в убежище с пистолетом наготове.

В убежище оказалось еще три офицера: лейтенант, капитан и майор. Понять кто где нетрудно по висящим на койке в голове каждого офицера его кителя, благо рассмотреть все хватало света благодаря горящей дежурной свече.

Чпок! Чпок!

Лейтенант и капитан умерли не проснувшись.

Майор вскочил, потянувшись рукой у кобуре, чтобы тут же получить сильный, но аккуратный удар кулаком в челюсть и откинуться обратно на нары в нокауте.

Тем временем вниз спустились бойцы Михаила и он кивнул им на дверь, что вела в убежище слуг-денщиков из офицерского помещения. Солдаты, поняливо кивнув в ответ, ворвались внутрь, благо эти двери не запирались и вскоре послышались глухие частые выстрелы.

Майор пришел в себя после того, как Михаил выплеснул ему в лицо кружку воды. Климов его слегка спеленал, но кляп вставлять не стали.

Оценив обстановку, майор сохранил молчание.

«Хорошо живут буржуи», – быстро осмотревшись, подумал Михаил.

Офицерский бункер действительно впечатлял своей основательностью и надежностью. Стены с потолком отлиты из бетона. На стене даже картина висела, какой-то пейзаж с замком. На другой несколько зонтиков подвешено помимо шинелей и плащей-накидок.

Дав знак бойцам выйти, Климов заговорил:

– Здравствуйте герр майор... кто вы, что вы, и что при этом знаете, мне совершенно не интересно. Сам тоже представляться не стану, и думается вы меня узнали...

Немецкий офицер удивленно поднял брови. Немой вопрос так и читался на его лице. Дескать, чего тогда надо?

– Хотите спросить, чего тогда приперся и почему до сих пор не тяну вас в свое расположение такого красивого? А заглянул я к вам на огонек совершенно по другой причине, хочу сделать вам предложение, от которого невозможно отказаться, не вам конкретно, а вообще вашему командованию.

– И какое же?

– Прежде чем ответить на этот вопрос, хочу дать небольшое пояснение своему поступку, чтобы вы лучше понимали мои побудительные мотивы и сделали правильные выводы. Так вот, то, что вы финансировали революционные партии в России, я понять могу... Да-да, не делайте такое удивленное лицо, финансировали и мне об этом доподлинно известно. Хотя лично вы это могли и не знать, допускаю. Так вот, мы враги, сражаемся и это для вас отличный способ разрушить противника изнутри, чтобы потом нанести добивающий удар. Повторяю, такие действия с вашей стороны, я могу понять и принять. Сам бы так поступил... Но вот чего я не могу понять и принять, так это то, что такие же революционные партии во время войны финансировали наши союзники: Франция и Англия, а так же САСШ. Революция произошла, император свергнут. Все бы ничего, хрен с этим безвольным слабаком и тупицей, но это только начало разрушения моей страны. Скоро начнется второй акт Марлезонского балета... с полным разрушением моего государства и дележа ее между членами Антанты в качестве колоний. Ведь ни вам, ни нашим так называемым союзникам Временное правительство тоже не нужно, как правопреемник прежнего царского режима. Так вот, я хочу отомстить за это нашим так называемым союзникам. И если до Англии и тем более САСШ мне никак не дотянуться, то вот с Францией все гораздо интереснее... Знаете французский, герр майор?

– Да.

Климов протянул ему листовку.

– Ознакомьтесь.

Прочтя, немец снова вскинул бровь.

– И?

– И я хочу, чтобы вы помогли мне распространить ее во французских частях.

– Как?! – изумился тот.

Проглотив присказку, про каком кверху, Михаил пояснил:

– Просто. Берете листовки и разбрасываете их над французскими позициями в нужный день с самолетов. Понятно, что самолеты надо выкрасить в цвета французских ВВС, ну и прочие маневры сделать, прилететь с запада и улететь на запад перед возвращением на свои аэродромы. Будем надеяться, что в этот день на небе будет облачно, что поможет вам с этими заматающими след маневрами. Листовки я вам предоставляю в достаточном количестве. Для чего прокопаем между нашими позициями подземный ход. Только сразу вам говорю, не стоит его пытаться использовать для атаки, я его заминирую и подорву, чуть что не так. Как не стану атаковать, и я по той же причине... С вашей стороны нужно договориться, чтобы прекратили артобстрел на данном участке, ну а я свою очередь того же потребую от лягушатников. Дескать копаю тоннель, чтобы повторить свое вторжение.

Тут майор скривился как от кислого. Он конечно же узнал русского капитана, что прославился по обе стороны фронта своей дерзкой встречной атакой на вражеские позиции, через немецкий же тоннель.

– Понятно. Но зачем такие сложности с ходами? Мы и сами могли бы напечатать эти листовки.

– Не сомневаюсь. Вопрос только в том, как долго вы удержите секрет? Листовки будут печататься несколько дней на нескольких же станках, чтобы получить их к нужному дню в достаточном количестве, а лишнего времени нет. Все-таки не только ваша разведка хорошо работает, но и французская не бездействует. Где гарантия, что какой-нибудь офицер из тех, что будут заняты всеми этими печатными делами не работает на франков? А стоит только допустить одну оплошность и все рухнет. Так что лучше минимизировать круг посвященных. Как и те, кто займется разбрасыванием, должны все узнать в последний момент.

Майор согласно кивнул, принимая довод.

– У меня же листовки все подготовлены и если меня все еще не арестовали, то о них никто не знает.

– А их обязательно было при этом убивать?

– Ну, вы все-таки мои враги, а врагов я привык убивать... Считайте это моей маленькой личной мстью вам за революцию в России и прочие непотребства, что вытворяют немецкие солдаты как с пленными, так и с нонкомбатантами, такие как расстрел раненых в госпиталях, изнасилование и убийство сестер милосердия... и прочее в том же духе. А еще считаетесь культурной нацией, а ведете себя как бешеные животные. Но да ладно... О том, что ваше командование приняло положительное решение по данному делу, сообщите вывесив черную тряпку напротив хода, что мы начнем копать вот тут...

Климов показал карту и показал.

– Если через пять дней такого сигнала не появится, я буду считать, что ваш ответ на мое предложение «нет». Встречный тоннель на всякий случай начинайте копать прямо завтра дабы не терять время.

– Согласования могут занять больше времени...

– Не колышет. Постарайтесь управиться за пять дней. Потом просто поздно станет. Французы задавят революционное движение, я это говорю вам, как человек, что держит руку на пульсе... больного.

– Я вас понял. Не боитесь, что все это мы используем против вас?

– Нет.

– Почему?

– А кто вам поверит? Решат, что просто решили мне отомстить за тот мой «поход к вам в гости» и взятие «Свиной головы». Ладно, не будем затягивать прощание лишними разговорами. Прошу открыть рот для кляпа.

– Это обязательно?

– Обязательно.

Впрочем, майора не только связали и кляп вставили, но и привязали к койке, так на всякий случай. Ну а дальше Климов ушел со своими людьми прихватив пленного лейтенанта.

Чисто уйти не удалось, разгорелся небольшой бой возле наблюдательного поста, взорвались гранаты и тут же взлетели осветительные ракеты и приготовился к бою пулемет в ДОТе.

Только группа прикрытия отработала четко. Перед амбразурой упала осветительная граната, что своим ярким светом просто ослепила пулеметчика. Ну и пару дымовушек добавили.

Взорвалось еще несколько гранат в окопах, это сработали поставленные в траншеях разведчиками растяжки. Так что немцам какое-то время стало не до беглецов, они тщательно проверяли свои позиции, а потом стало поздно.

4

Двадцать пятого мая стало известно о прибытии во Францию артиллерийской бригады во главе с генерал-майором Беляевым в составе девяти одного офицера и трех тысяч восьмисот двадцати девяти солдат и унтеров. С собой они привезли две группы семидесяти пяти-миллиметровых батарей; одну группу шестидесяти пяти миллиметровых горных батарей; одну группу из двух батарей сто двадцатимиллиметровых; одну траншейную батарею из шести орудий пятидесяти восьмимиллиметровых; одну запасную батарею.

В скором времени ожидалось прибытие саперного батальона в составе двадцати трех офицеров и девяти семидесяти двух солдат и унтеров, из двух саперных рот, одного отделения инженерного парка; одной запасной роты; одного прожекторного отделения и одного телеграфного отделения, плюс обоз.

Тем временем немецкий майор, видимо развив бурную деятельность быстро получил согласие на проведение операции с русскими и условный знак вывесили на день раньше крайнего срока – двадцать пятого мая.

Благодаря тому, что тоннель рыли с обеих сторон, то завершили его буквально через два дня после состоявшегося события и прямо в центре произошла встреча между майором и капитаном Климовым.

Михаил пришел с готовой к взрыву гранатой в руке, чтобы у противника не возникло каких-то неуместных мыслей на его счет.

- Что решило ваше командование? – спросил он у немца.
- Оно полностью поддержало вашу инициативу.
- Надеюсь, никакой отсебятины не планируется?
- Если и так, то мне об этом ничего неизвестно.
- Ну да...
- Когда мы можем ожидать получения листовок?
- Послезавтра ночью. Разбросать их нужно с десятого по пятнадцатое число.
- Сделаем...

Листовки удалось передать без особых проблем. Представителей французского командования в дивизии, чтобы не заинтересовались странной движухой, опоили снотворным, приехал вызванный грузовик с листовками и ящики снесли в тоннель.

После того, как листовки были переданы, немцы, как и было оговорено, нанесли массированный артурдар по участку нейтралки, где находился тоннель, обрушив его.

А обстановка во французской армии продолжала стремительно накаляться. Елена практически каждый день приезжала к Михаилу со сводками данных кои она получала от своей агентурной сети состоящей из тех же журналистов, на создание которой не пожалели денег.

Так, двадцать шестого мая солдаты четырех батальонов, которым предстояло вернуться на передовые позиции, устроили митинг в месте расположения штаба дивизии выкрикивая лозунги: «Долой войну!», «Нам нужен мир!», «Да здравствует русская революция!» и том у подобное. Все усилия полковника и офицеров добиться роспуска собрания оказались тщетны.

Двадцать седьмого мая в районе Фер-ан-Тарденуа предстояло погрузить батальон на грузовики и доставить его на позиции. Коноводы бегали по лагерю, кричали лозунги, стреляли из ружей в воздух и всячески мешали погрузке. Рано утром бунтовщики побежали на вокзал, чтобы штурмом занять поезда. Лишь усиленный отряд жандармов смог оказать им противодействие.

Двадцать девятого мая полки, которым предстояло отправиться на позиции, устраивали манифестации, шествия, пели Интернационал и скандировали: «Мы не пойдем!»

Двадцать девятого числа на участке Суассон собираются полки, чтобы двинуться на Париж. Несколько частей действительно отправились походом в столицу, но им не удалось дойти до него – остановлены еще лояльными частями...

Тридцать первого мая начались обширные бунты в Тридцать шестом и Сто двадцать девятом пехотных полках. Солдаты сохраняли уважение к своему начальству, но между собой решили захватить поезда, отправиться в Париж и послать делегацию в палату с требованием немедленного заключения мира. Среди солдат циркулировали упорные слухи, что в Париже аннамиты стреляли во французские войска.

Второе июня – бунты в Двадцать первом корпусе. Солдаты отказываются идти в окопы.

– Новые тягостные инциденты на фронте, – сообщал в очередной раз приехавший в дивизию граф Игнатьев, чтобы провести выплаты жалования офицерам и солдатам, коими он вынужден был заняться после Февральской революции. – Полковник Фурнье сообщает, что одна дивизия Двадцать первого корпуса обсуждала вопрос, какой линии ей держаться, когда будет дан приказ идти в окопы и возобновить наступление: соглашаться ли на это? Она решила пойти в окопы, но не переходить от обороны к наступлению. Другая дивизия, из Седьмого корпуса отказалась идти в окопы. Генерал Петэн разыскивает зачинщиков, считает, что они связаны с Всеобщей конфедерацией труда. Он отказывается от командования, если не будут приняты самые жесткие меры против пацифистской пропаганды...

И меры были приняты. Помимо наказания полевым военным трибуналом зачинщиков беспорядков путем расстрела, (в одной дивизии по слухам так и вовсе выбирали по жребью), из передовых частей стали в массовом порядке высылать ненадежных солдат в тыл в отпуск. Эта мера усиливала брожение в тылу, но при этом снижался градус накала страстей у оставшихся на передовой, что было важнее.

Но пока меры не сильно помогали, хотя местами удалось понизить степень напряженности. Климов даже испугался, что опоздал и следовало разбросать листовки гораздо раньше. А то того и гляди все окончательно заглохнет.

Но тут словно по заказу начался новый виток забастовок и шествий рабочих в Париже, и прочих крупных городах.

Четвертого июня состоялась очередная манифестация и военный губернатор Парижа генерал Дюбайль использовал аннамитов – колониальные части, для подавления уличных беспорядков, так как французские войска стали ненадежны. При столкновении с манифестантами на бульваре Бессьер, среди которых присутствовало много женщин – жен рабочих, мобилизованных на фронт, было убито несколько человек. Французские солдаты заступились за манифестантов, и аннамиты открыли стрельбу по солдатам, что так же привело к жертвам. Известие об этом событии стремительно распространилось на фронте, и возмущение солдат не знало пределов.

По сообщениям все того же полковника Игнатьева, пять корпусов почти целиком заражены пацифизмом. революционным движением в армии были охвачены семьдесят пять пехотных полков, двадцать три стрелковых батальона и двенадцать артиллерийских полков.

– Я слышал высказывание во французском генеральном штабе, что между Суассоном и Парижем осталась только одна-две надежных дивизий на которые можно положиться... Если немцы перейдут в этот момент в решительное наступление, положение может стать критическим. Генерал Местр, командовавший Шестой армией после ухода генерала Манжена, потребовал отсрочки предполагаемой операции наступления на Шмен-де-Дам, до июля, учитывая царящее в этой армии настроение и разложение некоторых полков. В соответствии с этим требованием генерала Местра и по соглашению с маршалом Хейгом генерал Петэн приказал четвертого июня отложить операции, порученные Шестой армии...

И тут на головы солдатам с самолетов полетели листовки, что сыпались в течении трех дней. Немцы не подвели и обошлись без отсебятины.

«Солдаты, сограждане и товарищи, к вам обращается Французский революционный фронт!

Очнитесь! Поймите наконец, что мы воюем и умираем ради прибылей беспринципных дельцов и банкиров. Правительство набрало столько кредитов на покупку английского и американского оружия, что расплачиваться по ним будем не только мы сами до конца жизни, но и наши дети, внуки и даже правнуки!

Чем дольше длится война, тем больше прибыли получают все кто завязан на производстве военной продукции не нужной в мирное время и конечно же банкиры, американские и английские! Вот кому нужна эта жестокая война!

Неужели кто-то верит, что Германия сжимаемая с двух сторон великими державами смогла бы устоять под подобным прессом хоть сколько-нибудь долго если бы не желание дельцов как можно дольше держать государства в состоянии войны ради своих прибылей?

Вспомните все эти неудачные наступления с огромными жертвами! И даже там где случались победы вырванные мужеством и героизмом солдат, приходилось оставлять позиции, вновь отдавая их немцам. Что это? Предательство? Или просто наши победы не нужны дельцам от войны?! Так ведь и война может закончиться, а этого им не надо!

Подсчитайте сами сколько заработали дельцы только на «Нивельской бойне», где истратили более тридцати миллионов старядов!!! Сколько тысяч пушек надо теперь сделать новых из-за расстрела стволов у старых орудий!

А потому все что производит оружие должно входить в государственной, то есть народной собственности. Как и банки тоже должны стать народными, чтобы банкиры больше не могли провоцировать войны!

Восстань солдат! Оберни оружие против тех, кто посылает тебя раз за разом на смерть зарабатывая на твоей крови!

Русские подали нам пример того, как это может быть! Так неужели мы, просвещенная нация, уступим им в этом?! Более того, мы сами изберем себе достойных офицеров! Даешь демократию в армию!

Создавайте солдатские комитеты и решайте через этот орган управления все военные вопросы. Отрешийте от власти офицеров коим в жизни интересны только звания и награды, они вольные или невольные пособники поджигателей войны, делающих на вашей крови карьеру!

Призываю выделить из каждого полка минимум по одной роте и двадцатого июня выдвинуть ее на Париж чтобы свергнуть власть дельцов и банкиров, и установить социалистическую республику!

Даешь власть народа для народа!

Да здравствует Французская Социалистическая Республика!»

Михаил Климов скрестил пальцы на удачу.

«Сработает или нет? Сработат или нет?..» – повторял он раз за разом, пытаясь унять накрывшую нервозность.

5

Сработало. И еще как сработало!

Французским солдатам и впрямь, словно не хватало этой команды «фас!» свыше, точной даты, чтобы они встали как один. Опять же, богатая история на революции этому порыву так же немало способствовала, дескать одной революцией больше, одной меньше... они не видели в этом ничего ужасного, наоборот, это их воодушевляло.

Климов опасался, что отсутствие единого командования в дальнейшем может помешать успешному развитию революционного движения, но надеялся на самоорганизацию, а так же на то, что зная борьбы подхватят остальные партии, то же СФИО или еще кто, да хоть та же Всеобщая конфедерация труда. А так же на то, что среди самих солдат найдется свой Бонапарт, что консолидирует вокруг себя военных.

Конечно же о листовках, а значит и дате выступления солдат стало известно французскому высшему командованию. Они попытались дискредитировать послание, назвав его немецкой провокацией, но доведенные до крайности солдаты, не желавшие умирать в бесконечных атаках на пулеметы, их уже не слушали, отвечая им лозунгом «Дашь власть народа и для народа!»

Тогда правительство начало оттягивать лояльные подразделения к Парижу. В первую очередь это касалось колониальных войск.

Климов в этот момент забоялся, что немцы не утерпят и воспользуются ослаблением фронта, но все же там тоже не дураки сидели и понимали, что начавшийся гражданский замес, если он получит продолжение окажется им выгоднее и потому с немецкой стороны даже беспокоящие обстрелы прекратились.

Снявшиеся для похода на столицу подразделения сливались в более крупные формации и на первых порах возникла заминка с иерархией командования. Это могло стать проблемой, но, к счастью, на этот раз социалистические партии, не упустили свой шанс погрязнув в ругани и сработали на редкость оперативно. Они образовали некий Социалистический Союз Свободы Республики...

Климов, когда услышал об этом объединении, долго истерично ржал, аж до икоты.

...В который вошли представители всех социалистически ориентированных движений, и даже различные анархисты затесались, и вот уже он стал управляющим органом для собравшейся в поход на Париж военной силы. Благо, что хватало офицеров различного звена в том числе высшего, что по тем или иным причинам поддерживали революцию и откликнулись на предложение СССР возглавить солдат.

И что еще важнее – солдаты согласились с командованием от СССР. Причин тому хватало, как банальное понимание, что требуется единоначалие, чтобы все не рассыпалось как картонный домик от одного щелчка, так и то, что они сочувствовали тому или иному политическому движению вошедший в Союз, а значит считали образованный СССР вполне легитимным органом управления.

Попытались втянуть в свои гражданские разборки и РОД, причем обе стороны.

Но правительство удалось боргнать, сказав:

– Господа, у нас самих произошла схожая революция, и солдаты скорее сочувствуют революционерам борющихся за свои права, чем буржуа. Так что не стоит нас в это вмешивать если не хотите получить противоположный от ожидаемого результат.

– Могут ведь возникнуть проблемы с поставками продовольствия, – перешел на шантаж какой-то чиновник-переговорщик.

– Этим вы добьетесь только того, что русские солдаты точно примкнут к революционерам, от чего я их с трудом пока удерживаю. Так что крайне не советую устраивать нам проблемы с этой стороны. Вам же хуже станет.

Приходили в РОД и со стороны революционного СССР. И тут ему отбиваться стало на порядок сложнее. Часть солдат действительно хотело помочь брату-пролетариату. Они видели в победе социалистов возможность отправиться домой, дескать новая власть быстро заключит мир с немцами...

Пришлось даже собрать актив СДПР, чтобы вправить мозги особенно пылким активистам, вроде того же Малиновского, что горячо ратовал за оказание интернациональной помощи.

– Поймите товарищи, это их исключительно внутреннее дело в котором они сами разберутся, без нашей помощи... что по итогу может оказаться медвежьей услугой.

– Пролетарское движение интернационально! – воскликнул Родион.

– Пусть так, вот только для кого-то из буржуа мы станем интервентами – прямыми врагами, и это привлечет на сторону правительства дополнительные силы. В итоге своим порывом имеющим чистые помыслы, только ухудшите положение своих французских товарищей. Так для французов это их внутреннее дело и они смотрят кто победит в схватке не особо вмешиваясь, но стоит только вмешаться кому-то со стороны...

Видя, что солдат это не убеждает, Михаил перешел на более понятные аналогии:

– Просто представьте, что у вас во дворе происходит драка с родным братом по какому-то поводу, не поделили чего-то... и в эту драку вдруг вмешается третий непонятный тип, пусть даже сосед. Просто представьте, что он вмешался даже на вашей стороне и стал жестоко избивать вашего брата. У вас с братом можно сказать привычный махач с синяками и в крайнем случае с разбитой губой или там носом, да опухшим ухом. А этот сосед стал жестоко ломать вашему брату руки и ноги, свернул нос, выбил зубы и останавливаться на этом не собирается... начал месить его ногами. Вы все еще будете бить своего брата напару с этим соседом?

– Это да... – озадаченно загудели солдаты.

– Не дело...

– Я такого помощничка сам урою!

– Вот и тут так же. Подобные противостояния у франков это как братская драка, не первая и влезать в нее посторонним не след.

– Но ведь противник наверняка привлечет на свою сторону тех же англичан, не говоря уже о колониальных войсках, – с некоторой растерянностью сказал Малиновский.

– И это будет прекрасно для социалистической революции во Франции, ибо привлечет к революционерам дополнительные силы именно по той причине о которой мы только что говорили и оттолкнет сочувствующих сейчас правительству людей от них.

В общем брожение в дивизии Климову удалось притушить. Схожие доводы он привел представителям СССР и те приняли их, даже похоже собрались воспользоваться идеей в своих целях.

Что до французского правительства, то оно действительно начало цепляться за соломинку и из-за малочисленности лояльных сил помимо индокитайцев с зуавами, привлекло к внутренним разборкам англичан, в основном танковые подразделения и это действительно стало их ошибкой. Французы не любили не только немцев, но и лайми с которыми так же имела длительная история противостояния, чего только Столетняя война стоит, как и прочих конфликтов хватало за лидерство в мире (все прекрасно помнили как и кто бортанул их из Индии), так что нейтрально державшуюся часть общества качнуло на сторону революционеров.

Двадцать пятого июня состоялся первый бой между лоялистами и революционерами. С обеих сторон использовалась артиллерия, в основном легкая полевая, но и среднекалиберные орудия в сто двадцать два миллиметра применялись.

Верные правительству войска бились от обороны, успели отрыть окопы, плюс различные окраинные дома как огневые точки использовали, и у них вполне могло бы получиться отбиться и даже нанести противнику сокрушительное поражение в какой-то момент перейдя в контратаку при поддержке английских танков, несмотря на серьезный численный перевес революционеров коим просто негде было укрыться (окопов нет), кроме как в небольших селах-спутниках Парижа, вот только атакующим подсобили рабочие бригады.

Под вечер в Париже вспыхнули уличные бои, рабочие давили полицейские отряды и тыловые подразделения лоялистов. Бои шли всю ночь, а утром во время очередной атаки революционеров, благо наладили координацию действий по радио, рабочие отряды и отпускники, что их возглавили, нанесли удар в тыл лоялистам первым делом смяв артиллерийские подразделения. Рабочие, после подавления силой одной из манифестаций аннамитами, всех этих индокитайцев и зуавов теперь люто ненавидели и именно по ним пришелся следующий удар рабочих отрядов и те бежали.

Правительственные отряды с англичанами отступили в город, снова начались уличные бои, но долго лоялисты продержаться не смогли, у них действительно горела под ногами земля, причем зачастую в прямом смысле этого слова, когда из окон домов на те же танки бросали бутылки с горючим и те начинали весело полыхать.

Вечером двадцать седьмого июня столица оказалась в руках революционеров, кои провозгласили создание Социалистической республики Франция с неким генеральным председателем Леоном Блюмом во главе, но правительство с большей частью парламентариев успело сбежать на север в Руан под защиту англичан и первых прибывших во Францию несколько дней назад подразделений Американского экспедиционного корпуса.

Впрочем, Францию разделило не так четко по условной линии север-юг. Правильнее сказать, что республику раздробило по принципу лоскутного одеяла: север остался за капиталистическим правительством, центральные регионы признали социалистов, а вот на юге возникла мешанина, часть регионов остались верными прежнему правительству, как правило с крупными портовыми городами, где базировался флот, а иные признали социалистов. При этом в половине городов произошли небольшие вооруженные стычки между сторонниками той или иной власти.

– Получилось? – спросила Елена с лихорадочным блеском в глазах.

Сейчас они находились в съемной квартире в Реймсе, куда перебрались из-под парижского особняка, чтобы не попасть под замес. Печатное оборудование тоже вывезли.

Климов даже начал подозревать, что девушка, отказавшаяся от курева, начала принимать какую-то наркоту вроде кокаина, морфина или еще какой гадости, что было бы печально.

«Но зрачки вроде в норме...» – подумал он, всмотревшись в ее глаза, хотя не являлся специалистом в определении внешних признаков наркотического опьянения.

Извольскую вообще в последние дни сильно лихорадило, но это понятно – нервическая реакция на происходящие события в которых она принимала самое непосредственное участие, точнее стояла у истоков, провоцируя их.

– Ну, насколько я могу судить, то «да».

Неожиданно Елена вскочила и набросилась на Михаила. Он едва успел подавить рефлексную реакцию своего тела, а то бы встретил ее прямым ударом в горло, а потом на болевой излом...

«Вот был бы конфуз...» – подумал он, отвечая на ее страстный поцелуй, когда она буквально запрыгнула ему на колени.

– Ты сейчас не под кайфом? – все же поинтересовался он, когда Елена наконец от него оторвалась.

– Нет!

– Тогда продолжим...

И снова страстные поцелуи, что в какой-то момент перешли в срыв одежд друг с друга, ну а дальше понятно...

Михаил вместе с Еленой с интересом, словно из первого ряда в театре, наблюдал за происходящими событиями. Социалисты, сформировав мобильную бригаду усиленную броневиками и артиллерией послали ее на юг, давить своих политических противников, как подавили социалистов в паре северных регионов капиталисты.

А дальше разум у противоборствующих сторон все же возобладал и нового столкновения между сторонами не произошло, так что полномасштабной гражданской войны все же не случилось. Может быть противоборствующие стороны и желали бы окончательно решить вопрос с помощью силы устроив еще несколько сражений, но внешняя угроза в лице Германии, что могла в любой момент воспользоваться заварухой гражданской войны, заставила их чуть притушить страсти и сесть за стол переговоров.

Договорились они на удивление быстро, первого июля заключили перемирие и соглашение о совместном управлении войсками. Частным результатом этих переговоров стала передислокация некоторых армейских подразделений. Все лояльные правительству Пуанкаре части отводятся на север, а поддерживавшие революционеров – на юг. Между ними встают русские и англичане, а так же американцы, что пока остаются в резерве.

Командование французскими войсками в Македонии осталось за прежним правительством.

– И что теперь? – спросила Елена, находясь в объятиях Михаила.

Отношения с ней после интимной близости естественно перешли на новый уровень.

– А теперь ждем.

– Чего?

– Немецкого наступления.

– И?

Но Климов в ответ только злодейски улыбнулся.

6

Из-за происходящих во Франции революционных событий артиллерийская бригада застряла в Бресте до двадцатого июля, где она дождалась прибытия саперного батальона и все вместе двадцать пятого числа прибыли на фронт.

Генерал-майор Беляев сходу попытался прогнать капитана Климова под себя.

– Как старший по званию, я принимаю командование дивизией на себя.

– А ху-ху не хо-хо?!

– Что?..

– Я говорю, господин генерал-майор, а не много ли вы на себя берете?

– Господин капитан, выбирайте выражения! Соблюдайте субординацию и подчиняйтесь старшему по званию! – воскликнул Беляев.

– Звание званием, а должность должностью, господин генерал. Я – командир дивизии, а вы лишь командир артиллерийской бригады. Я уже молчу про разницу в родах войск. Будет странно если кавалерист станет командовать моряками и так же странно если артиллерист станет командовать пехотой. Потому дайте не станем заниматься этим непотребством и создавать себе проблемы на ровном месте, обостряя ее некомпетентностью из-за чего могут возникнуть нежелательные инциденты в виде лишних потерь в личном составе. А то ведь, я опасаясь, что, все что вы знаете о командовании пехотным подразделением, так это послать его в штыковую атаку на пулеметы с криком «ура». Это несколько устаревшая тактика, лет так на сто...

Генерал Беляев побагровел.

– Я требую от вас!..

– Господин генерал, требовать вы будете у... своих подчиненных, – все же сдержался Михаил от более грубой отповеди. – Давайте говорить прямо, ситуация крайне непростая, я выбран в качестве командира дивизии солдатами и кого-то нового они просто не примут.

– Что значит выбрали?! Что значит не примут?! – откровенно разорался тот.

– То и значит. Революция, все дела... прежняя власть пала, народ ее взял в свои руки...

– Есть Временное правительство, я назначен им, а вы принесли ему присягу и значит обязаны подчиняться его решениям!

– Принести-то принесли, так ведь, как принесли, так и унесут... Солдаты, мягко говоря, не доверяют этому правительству им больше по нраву его оппоненты.

– Плевать! Они обязаны подчиняться его решениям! И его решением я должен принять командование дивизией! Я отстраняю вас от командования!

– Снова заново... Ну отстраните вы меня от командования и попытайтесь его взять в свои руки, только вот какое дело господин генерал, как долго вы после этого проживете, вот в чем вопрос...

– Вы мне угрожаете?!!

– Да ни боже мой! – аж поднял Руки Михаил Климов. – Говорю же вам, господин генерал, все висит на волоске, коий может оборваться в любой момент от малейшего воздействия. Солдаты подчиняются мне только потому, что сами меня выбрали в качестве командира. Стоит вам меня попробовать сместить именем Временного правительства и они решат, что их снова начали считать за немой скот, которым можно понукать, как при царе-батюшке. Представляете, что случится дальше, с учетом того, что этого царя-батюшку скинули?

Генерал Беляев промолчал, сверкая лазами.

– Правильно – бунт. Бессмысленный и беспощадный, как сказал один классик. Дурной пример смещения неуютной власти подан, причем самим генералитетом, так почему бы и им сами не скинуть неуютного им генерала? А оно нам надо? Так что очень вас прошу, не будите Лихо, пока оно тихо.

Генерал оглянувшись, продолжал пыхтеть, но молча. Увиденное ему явно не понравилось.

Так-то штаб дивизии может и согласился бы сменить командира дивизии, но вот солдаты оказавшиеся поблизости, они действительно смотрели на генерала с нескрываемой... не то, чтобы ненавистью, но угрозой – да, так что у генерала резко включился инстинкт самосохранения.

– С ним могут быть проблемы, случись что, – произнес Родион Малиновский, глядя на удаляющегося порывистым шагом генерала.

– Могут, – кивнув, со вздохом согласился Михаил.

Артиллеристы могут «ошибиться» и открыть «дружественный огонь», например... прямо по штабу Климова.

– Так что надо налечь на агитацию среди его солдат.

– Сделаем...

Не забыл Климов и про Вторую бригаду все еще сражавшуюся в Македонии на одном из самых сложных участков фронта. Вести оттуда приходили жуткие, бригада потеряла половину личного состава убитыми, ранеными и пленными, а так же больными даже с учетом пополнения в шесть с лишним тысяч человек.

Михаил хотел выцепить их оттуда к себе. Правда смущал фактор командования. Впрочем он собирался провернуть тот же финт, что и с Беляевым, отшив претендентов на командование дивизией «революционной волей солдат». Главное провести грамотную агитацию среди солдат, чтобы те скинули свое командование и через выборы переподчинились Климову.

Осталось спровоцировать передислокацию остатков бригады во Францию.

Тут ему на глаза попала газета в которой сообщалось о прибытии в порт Булонь-сюр-Мер бригады очередных «черных», откуда-то из Южной Африки, как сам французы стали звать своих аннамитов, зуавов и всех прочих, как из Азии так из Африки. Но из-за негативного отношения простых французов к солдатам из колоний, они продолжали толпиться в лагере на южном побережье.

– А это вариант...

Встретившись с графом Игнатьевым, Климов попросил у него прозондировать почву в объединенном штабе на предмет замены русских частей в Македонии на негров.

– Всем выгодно, «черные» уедут с глаз долой, а на их место придут белые к которым нет никаких претензий.

– Хорошо... я посмотрю, что можно сделать, Михаил Антонович.

– Благодарю...

Французское командование, особенно часть из числа социалистов, ухватилось за этот вариант обеими руками и ногами ибо действительно устраивало их чуть более чем полностью. Отдавать негров «сверьянам» им не хотелось, ибо это усиливало идеологических конкурентов, а держать их при себе было политически накладно из-за неприятия «черных» простыми французами. Так что нейтральные русские в этом отношении куда как выгоднее.

7

Через пару дней после прибытия артиллерийской бригады и инженерного батальона на фронт в сопровождении все того же графа Игнатьева у которого на плечах красовались новенькие погоны генерал-майора, прибыли новые гости, коих он и представил:

– Знакомьтесь Михаил Антонович, господин генерал-майор Занкевич, Михаил Ипполитович – новый представитель ставки русской армии от Временного правительства во Франции. Евгений Иванович Рапп – комиссар Временного правительства в русской армии во Франции, и Сватиков Сергей Георгиевич – комиссар Временного правительства по дипломатической службе.

– Здравья желаю, господа.

Вперед вышел генерал-майор и торжественно объявил:

– Господин капитан, Временное правительство высоко оценило ваш героизм при взятии форта «Свиная голова» и удовлетворило представление Солдатских комитетов на награждение вас орденом святого Георгия третьей степени. Кроме того, оно высоко оценило вашу деятельность на посту командира дивизии и удостоило вас производством внеочередным званием полковник.

«Я теперь, настоящий полковник, хе-хе», – усмехнулся Михаил Климов.

– Поздравляем, поздравляем!

– Благодарю, господа! Это для меня большая честь! Благодарю...

После чего, думая наверное, что Климов размяк от награды и повышения в звании, Занкевич попытался надавить, чтобы он передал бразды правления РОДом Беляеву, а себе взял лишь один из полков, но на сторону новоиспеченного полковника и георгиевского кавалера встали комиссары коим волнения тоже были ни к чему (ведь это сильно ударит по их карьере), а к чему могла привести смена командования, Климов повторно популярно объяснил.

– Господин полковник, постройте войска, я буду говорить с солдатами! – вдруг с апломбом потребовал Сватиков, поправив на груди здоровенный красный бант.

Климов только вздернул бровь, но в бутылку лезть не стал, хотя мог бы, тем боле что говорить с солдатами тогда должен другой комиссар – Рапп. Но тот выглядел интеллигентом, в то время как Сватиков представлял собой типичное хамло, что много мнит о себе. Опять же поддержку какую-никакую оказали, так что отказывать причин не имелось, вроде даже как должник их. В общем собрал с третьей линии окопов роту. Солдаты были не сильно рады тому, что их оторвали от дел, кто отдыхал, кто форму чинил, кто читал, кто еще чем-то занимался, да банально спал наконец.

Из ящиков, в которых привозили патроны и кои еще не успели пустить на дрова, собрали небольшую трибуну.

Сватиков представился и начал нести какую-то околесицу про революцию, будущее, прошлое.

«Мн-да, более косноязычного оратора представить сложно, какой-то поток сознания...» – подумал Михаил, слушая этого революционера, что словом вообще не владел, все как-то путанно и в итоге вообще не понять, что человек хотел сказать.

Солдатам это тоже быстро надоело.

– Чего его слушать? – неожиданно раздался возглас из солдатской толпы. – Гони с трибуны этого палихмахтера!

– Какой он тебе палихмахтер? Это же комиссар! – вступились за Сватикова другие солдаты.

– Врет он! Клянусь богом, врёт! Еще намедни он мне в Париже волосы стриг! – не унимался солдат.

Солдаты засмеялись. Сватиков изливавший на солдат свою душу сбился на полуслове, заметался, лицом стал одного цвета с бантом на груди и с позором ретировался с импровизированной трибуны, чуть не свалившись с нее из-за поспешности.

Гости, дабы еще больше не потерять авторитет, поспешно укатили обратно в Париж, а граф ненадолго задержался.

– Вот и все дорогой Михаил Антонович, я теперь по факту никто и звать меня никак...

– Что вы такое говорите, Алексей Алексеевич? Вы же теперь цельный генерал-майор!

– Ах, звание... пустое, – скривившись, махнул рукой Игнатьев. – Вроде как выходное пособие... Занкевич упразднил мое бюро, так что я теперь не являюсь военным представителем. Сняли с меня и другие сферы деятельности, так что помогать я вам больше ничем не смогу.

– А кем же вы теперь служите?

– Выписывателем чеков, – грустно улыбнулся граф. – Мне там сосватали одного деятеля от Временного правительства некоего Гибера... мутный человек, а с ним целый десант различных так называемых помощничков... сбежавших из России. Там обстановка похоже потихоньку накаляется после прибытия различных революционеров, что до недавнего времени обретались в Швейцарии.

Если бы граф не был графом, то он, наверное, сейчас бы с досадой смачно сплюнул, как самый последний люмпен. Но в целом стало понятно, что у Игнатьева дела сейчас обстоят неважно, что и неудивительно, с какой стороны ни посмотри.

– Еще этот Сватиков... он ведь не только и не столько для проверки дипломатической службы приехал, сколько для разгона заграничной агентуры департамента полиции! Разве не идиотизм?! Вы не смотрите, что он такой идиот с виду и говорить связно не умеет, зато интриган каких еще поискать. Меня уже успел обложить как волка флажками...

– Ну а что вы хотите Алексей Алексеевич? Это временные и они знают, что они временные, хоть и хотят стать постоянными, но уже понимают, что не станут, так что все их желание это напоследок хапнуть побольше, после чего сбежать и чтобы их потом не поймали, для чего рушат всю систему которая могла бы их отследить и выловить.

– Хм-м... похоже на то... очень уж с финансовой точки зрения проходит много странных платежей, фактически махинаций, в которых я вынужден участвовать... Шутка ли, пеньковую веревку приходится закупать в Англии, хотя могли ее же купить в Рязани в десять раз дешевле. И что самое паршивое – нет ни одной формальной возможности отменить эти платежи.

Игнатьев поморщился как от кислого, но дальше развивать тему не стал, только досадливо махнул рукой. Оно и понятно, зачем вываливать свои проблемы на постороннего человека?

Климов же помнил, что граф Игнатьев несмотря на все эти махинации со стороны «временщиков» как-то умудрился сохранить от двухсот пятидесяти до трехсот миллионов франков золотом, кои много позже передал советскому правительству, за что его потом проклинали «белые». И конечно же он хотел привлечь человека с такими деньгами на свою сторону. Но помимо денег у графа имелись еще обширные связи в производственной и торговой среде по всему миру, что тоже немаловажно.

«А еще, он вроде как самый настоящий разведчик и даже какие-то масштабные операции провернул», – подумал Михаил, остро жалея, что об этой стороне работы графа он практически ничего не знал, как-то прошло мимо его внимания в свое время.

8

Решившись, Климов приступил к вербовке.

– Доводилось видеть сие? – спросил новоиспеченный полковник, вынув из-за пазухи брошюру «Программа СДПР».

– Да, конечно... Занятная брошюрка... только так и не нашел к ней концов. Это какие-то местные революционеры воду мутят... Сначала подумал, что это очередной осколок от РДСРП или эсеров выделился в самостоятельное движение, но выяснилось, что в России об этой партии ничего неизвестно. Революционеры сами по этому поводу на ушах ходят, пытаются понять, чья это работа. Печатают на украденной у общества «Друзей русского солдата» печатной машине... бумагу тоже воруют, отбивая партии у прочих изданий.

– Ну так вот Алексей Алексеевич, это мое.

– В смысле? – недоуменно сдвинул брови граф.

– В прямом смысле. Я украл, я печатаю. Вся эта СДПР мое детище от начала до конца.

Генерал-майор Игнатьев застыл истуканом и после долгой паузы, спросил:

– Зачем?

– А вы сами как думаете?

– Хм-м... еще эта ваша просьба отозвать из Македонии Вторую бригаду... Хотите собрать все силы в кулак?

Михаил кивал, подтверждая и поощряя графа развивать мысль дальше.

– Однако! – воскликнул генерал-майор, придя к какому-то логично вытекающему из исходных данных заключению и даже отступил от Михаила на шаг, после чего посмотрел на него, словно увидев в первый раз.

На это Климов только усмехнулся.

– И что на это скажите Алексей Алексеевич?

– Что вы изрядный авантюрист, Михаил Антонович!

– Возможно... и революция открывает перед такими как я новые возможности.

– Решили повторить путь Наполеона Бонапарта?

– Верно. Раз смог однажды один, то всегда есть возможность повторить путь другому.

– Хм-м... И зачем вы мне все это рассказываете, Михаил Антонович?

– К чему эти риторические вопросы Алексей Алексеевич? Вы же умный человек и все прекрасно поняли.

– Хотите, чтобы я к вам присоединился, – уже утвердительно сказал граф.

– Верно. Временное правительство долго не продержится, слишком оно слабое и аморфное, так что его скоро сметут социалисты. Зря что ли немцы пропустили их в Россию? И ни за что не поверю в то, что вы сочувствуете завиральным идеям коммунизма... Так какое в этом случае ваше положительное решение?

Полковник Игнатьев засмеялся, правда чуть нервно. Все же к такому он оказался не готов.

– Вы умеете убеждать, Михаил Антонович. Только какую должность вы мне предлагаете? Министра финансов? – с легкой насмешкой спросил граф намекая на то, что занимался в основном оплатой всего и вся.

– На первое время, а вообще – директора Службы внешней разведки.

Лицо Игнатьева закаменело.

«Значит все-таки правда и я не промахнулся, он действительно служил в разведке», – с облегчением и радостью подумал Климов.

Хоть и кастрированная эта служба в империи была, но все же что-то могла. Даже какие-то секреты умудрялись выведывать у тех же австрийков. Но это все-таки больше на энтузиазме отдельных личностей.

– Даже так?.. Что ж, Михаил Антонович, вы меня удивили, сильно удивили... Ответьте только на последний вопрос... вот эта книжечка, она так, для отвода глаз солдатам, чтобы их консолидировать в своих руках или...

– «Или», Алексей Алексеевич. Все что в ней написано, я собираюсь претворить в жизнь от начала и до конца ибо полностью разделяю эти взгляды, так что графом вы останетесь, но все привилегии связанные с титулом придется забыть. Да и самим титулом лучше лишний раз не отсвечивать, чтобы не раздражать людей.

– Понимаю... Новые социальные веяния...

– Да, незачем плевать против ветра, да еще столь сильного. Обратно прилетит.

Игнатьев на это только снова усмехнулся.

– Что ж, Михаил Антонович, я согласен и вот вам моя рука.

Граф протянул руку и Климов ее пожал.

– И какое мое первое задание? – спросил он после короткой паузы, при этом в голосе не послышалось даже намек на иронию.

– Так легко вы не отделаетесь, – улыбнулся Климов. – Заданий будет сразу три. Первое, ни к той, ни другой службе отношения не имеет, но в идеале, нужно всех раненых собрать в одном госпитале, где-нибудь на юге, чтобы когда придет время, никого не оставить на чужбине и можно было забрать всех разом. А то разбросали их по всей Франции...

– Понимаю... Это можно устроить.

– А вот второе и третье задание, Алексей Алексеевич, думаю будет вам по основному профилю работы, как будущему директору будущей СВР. Для начала, следует перехватить управление заграничной агентурой департамента полиции. Думаю, вам это вполне под силу...

Игнатьев уверенно кивнул.

– Вполне.

– ...Переведите их на нелегальное положение, но чтобы структура в целом сохранилась и не пришлось ее через какое-то время создавать с нуля. Тут не мне вас учить.

– Весьма разумно.

– И еще... думаю это задание как раз будет выполнено с помощью этих агентов. А именно, нужно собрать весь возможный компромат на всех видных революционеров, начиная от истинных имен и заканчивая их грешками: кто из них гомосек, состоит в инцестных связях, педофил, а то и вовсе некрофил, я уже молчу про всяких зоофилов. Ну и конечно же источники финансирования, за счет которых они жили во всех этих швейцариях. В первую очередь Троцкого и иже с ним. Не верю я, что они жили за счет взносов членов партий и даже эксов.

– Понимаю. Разрешите приступить к исполнению, господин...

– Товарищ.

– ...Товарищ... Кстати, как вас называть? А то как-то по званию не очень внушительно получается, хоть и полковником стали.

– Хм-м... действительно... – призадумался Михаил. – Об этом я еще не думал... Да и когда целый генерал-майор получает задания от полковника, это действительно сюрреализм в чистом виде.

– Нужно что-то с прицелом на будущее... вот только как? Может как Наполеона – Первый консул?

– Не наше это... Зовите меня, Алексей Алексеевич, товарищем диктатором.

– Серьезно? – неподдельно изумился граф.

– Абсолютно. Потому как диктатуру... закона я устрою такую, что прежнего тирана...

Игнатъев понимающе хмыкнул. «Тиран» из Николашки недержанца был еще тот. Это все равно, что тигрового кота тигром назвать, внешне вроде похоже, вот только размерчик подкачал.

– ...Станут вспоминать с умилением и слезами на глазах, дескать святой человек был... Святой.

Тут уже Михаил скривился.

«Ну как?.. Как?! Из этого ничтожества слепили святого?!» – мысленно изумлялся он.

– И ведь что интересно, меня даже в тирании обвинить будет сложно, ибо законы я возьму у вполне себе демократических и либеральных государств, о чем стану твердить на каждом углу, дескать у просвещенных стран взял раз уж законы империи им казались жестокими – радуйтесь!

Игнатъев снова усмехнулся, зная, что иные законы в демократических странах тех же САСШ, Франции или Англии, куда как более беспощадны, чем в Российской империи, и произнес:

– Разрешите приступить к исполнению, товарищ диктатор?

– Приступайте.

– Слушаюсь!

– Ах да, Алексей Алексеевич, чуть не забыл про еще одно дело... – в последний момент решил открыться перед графом еще с одной стороны Михаил.

– Да? – обернулся Игнатъев.

– У вас не найдется в числе, скажем так, знакомых, несколько беспринципных людей, что мать родную продадут, но кого вы, фигурально выражаясь, хорошо держите за глотку, желательно французов? Но и наши на худой конец сойдут, кого можно будет хотя бы на первое время выдать за лягушатников...

– Для чего вам люди со толь своеобразными моральными качествами?

– Да тут такое дело... – разыграл смущение полковник, разве что носком сапога землю перед собой не стал ковырять, – слышали, наверное, о такой загадочной партии ФРФ?

Игнатъев сначала изумился столь странным поворотом разговора, но через несколько секунд его глаза округлились, и он выдохнул потрясенно:

– Не может быть!

– Да ладно вам, не так уж и сложно вышло, – все еще слегка дурачась в притворном смущении махнул рукой Михаил.

– Рассказывайте, Михаил Антонович.

Климов рассказал обо всей этой своей эпопее с Французским революционным фронтом, а так же целями создания, и добавил:

– Жалко терять такой ресурс, пока еще можно использовать. В СССР оно по понятным теперь вам причинам не вошло, но этот Союз, как мне кажется, быстро себя дискредитирует и начнет разваливаться, слишком уж слабый лидер во главе стоит. Понятно, что это компромиссная фигура... и тогда ФРФ, если в нее вложиться, снова может дать о себе знать, выстрелив по-настоящему мощно. Но для этого надо несколько полностью подконтрольных вам человек, из которых нужно создать ЦК ФРФ и через них набрать актив, плюс свою газету учредить назвав ее скажем «Фронтвик». Согласитесь, в случае удачи может получиться хороший инструмент влияния, а если они еще в правительство войдут, то это просто сказка...

– У меня просто нет слов, Михаил Антонович... – потрясенно мотал головой генерал-майор Игнатъев. – Просто нет слов... Но боже мой! Как это у вас элегантно получилось! Я начинаю вам завидовать!

– Да чего уж там... Так что, найдутся люди?

– Найдутся... Из-под земли для такого достану!

9

Удивительное дело, но англичане несмотря на не совсем стабильную ситуацию во Франции, самостоятельно провели наступательную операцию в районе города Ипр запланированную еще на седьмое июня, лишь отложив ее на тринадцать дней.

Впрочем, как выяснилось несколько позже, их настойчивость имела свои резоны и затягивать они не могли чтобы не спустить в сортир труд аж двух лет кропотливой подготовки. Еще с пятнадцатого года они вели под позиции противника девятнадцать тоннелей которые в любой момент могли случайно обнаружить. Так вот, в эти шахты они заложили четыреста пятьдесят пять тонн аммонита и рванули после четырех часов артподготовки. Потери немцев, что укрылись от обстрела в заминированных позициях, составили порядка десяти тысяч человек.

Понятное дело, что после такого тарарама наступление поначалу получилось весьма успешным, даже французы с бельгийцами к нему подключились, но в итоге прорвать фронт все равно не удалось. Немцы применили новое отравляющее вещество, тот самый горчичный газ, что получил в итоге название «иприт» в честь городка возле которого его использовали впервые.

– Товарищ полковник...

После того, как в СДПР вступило большинство солдат и офицеров (по крайней мере из числа младших) Климов провел приказ по РОДу о переходе на новую форму обращения. Решение не однозначное, Временным правительством не утвержденное, комиссары тут же прискакали разбираться что к чему, но солдатам очень понравилось, так что тем пришлось утереться. К тем офицерам, что не вступили в партию обращались по-прежнему. А чтобы различать кто в партии, а кто «мимо проходил» Климов заказал отчеканить простенькие латунные партийные значки в виде каплевидного щита с буквами СДПР с ношением на правой стороне груди.

– Что случилось, Прокопий?

А разбудил его именно старший прапорщик Анисимов.

Климов постепенно сформировал вокруг себя из изначальной банды с которыми грабил банки приближенных, что стали выполнять функцию охраны выделив их в отдельный взвод. Понятно, что штат значительно расширил пока до двадцати пяти человек за которых поручился и нес полную ответственность Анисимов. Из кого он их отбирал, тоже пояснять не требуется – старверы.

Климов, включив фонарик, посмотрел на часы, стрелки которых показывали три часа ночи.

– Немцы к вам почтальона отправили с посланием.

– Почтальона?

– Ну да. Пленного из наших отпустили, а с ним письмо дали на ваше имя.

– Занятно... Кто там мне письма пишет интересно бы знать? Знакомцев там у меня нет, тем более барышень...

На это старший прапорщик только хмыкнул.

Ополоснув лицо холодной водой из умывальника, и немного прогнав сонливость, сказал:

– Письмо с собой?

– Да, вот.

– Ну что же, давай почитаем...

Михаил присев за стол и запалив керосиновую лампу, одел кожаные перчатки и даже натянув на лицо маску от противогаза, так, чисто на всякий случай, после чего аккуратно ножом вскрыл конверт.

– Занятно... – повторил он, прочитав послание и спалил его в печке вместе с конвертом.

– Что там было, товарищ полковник, если не секрет?

- Супостаты зовут на переговоры.
- Хм-м... ловушка?
- Все может быть.
- А где?
- А так же, под землей, как я в свое время устроил передачу листовок.
- Копать значит будем.
- Немного. Они уже подвели траншею к нам. С нашей стороны осталось метров десять пробить...
- Пойдете?
- А куда деваться? Интересно же!
- Любопытство кошку сгубило...
- Так проверим сначала и подстрахуемся...

Старший прапорщик все равно выглядел недовольным и озабоченным, но перечить не стал.

Встречную траншею пробили за день. Отряд телохранителей проверил пробитый немцами (точнее русскими пленными) тоннель до середины, где их встретили солдаты противника, на наличие сюрпризов. Так же тщательно проверили пространство наверху, а то вдруг мощный заряд положил сверху.

Убедившись, что все чисто, Михаил приказал дать условный сигнал готовности к встрече, та же палка с черной тряпкой. С противоположной стороны ответили аналогичным знаком и в обозначенный в письме час, Климов облачившись в бронежилет, сунулся под землю, зажав в кармане шинели, накинутой на плечи гранату с выдернутой чекой – последняя подстраховка на случай ловушки.

Правда сначала впереди снова прошли телохранители, но, как и в прошлый раз никаких ловушек не обнаружили. Михаила же встречал, на вид обычный, лет пятидесяти, даже наверное где-то простовато выглядящий для своего полковничьего звания офицер. Не хватало типичного высокомерия во взгляде и поведения, а так же лоска, что ли. Точно не щеголь, какими они все пытаются выглядеть даже в окопах и это было странно, и настораживало.

Немцы прямо посередине создали небольшую комнатку диаметром три метра и высотой в два. Все хорошо укреплено и освещено. В центре стоял небольшой «шахматный» столик, причем с расставленными фигурками, и пара раскладных стульев.

«Но все же выпендрожник», – подумал Михаил, заценив обстановку, оригинально, что ни говори.

- С кем имею честь разговаривать? – спросил он по-немецки.
- Полковник, Вальтер Николаи, может слышали обо мне? – по-русски и довольно свободно ответил немец с улыбкой.
- Хм, – слегка сбился Климов, все-таки в какой-то степени легендарная личность. – Доводилось. Вербовать будете?
- Может присядем?
- Климов противиться не стал и сел на стул.
- Играете в шахматы?
- Конечно.
- Давайте тогда сыграем... Ваш ход. Кстати, поздравляю со званием и наградой.
- Благодарю...
- Климов сделал первый ход левой рукой.
- Николаи двинул свою шахматную фигуру, сказав:
- Нет, у меня сложилось впечатление, что с вами это бесполезно, но вот договориться к обоюдному согласию, почему бы и нет?
- Слушаю, – кивнул Михаил, делая новый ход.

– Как мне кажется, ваше желание отомстить французам недостаточно удовлетворено. Слишком быстро все стихло. Мне кажется, вы рассчитывали на большее. Я прав?

– Продолжайте, герр полковник.

– Я хочу предложить вам возможность отомстить более... радикально.

– Каким образом? Открыть фронт в момент вашего наступления?

– Да.

– Хм-м... Вопрос в том, кто станет вашей главной целью?

– А есть разница?

– Принципиальная.

– Даже так? Не могли бы вы развернуть вашу мысль более подробно?

– Да пожалуйста. Если вы тупо решите пойти на Париж, то по большому счету ничего этим не добьетесь. Социалисты скорее всего падут, по крайней мере в центральных областях, что окажется на руку северянам, тогда и южане долго не продержатся и все вернется на круги своя, прежнее правительство вернет власть в свои руки. Союзники тогда подтянут дополнительные силы из колоний, американцы продолжат посылку своих войск, из Южной Америки что-то смогут взять. Совсем иной расклад, если вы жестко ударите по северу.

– В чем же отличие?

– В англичанах. Если вы сможете их полностью разбить, то у вас откроется окно возможностей.

– Какое?

– Ирландия. Англичане не так давно попытались там ввести всеобщую воинскую повинность и провести мобилизацию, но обломались. Сейчас и особенно если вы разобьете английскую армию на континенте, свои мобилизационные ресурсы они почти исчерпали, так что могут пойти до конца...

– Как по мне – сомнительно. Какие из насильно завербованных солдаты?

– Какие-никакие, а солдаты, не хуже прочих. Да проблемные, но, если позади поставить заградотряды, чтобы не побежали... Часть может попробовать сдаться, но против этого тоже можно принять определенные меры.

– Пожалуй это может сработать... – покивал с задумчивым видом Вальтер Николаи. – Но ведь там случится восстание... Вы этого хотите?

– Большого. Восстание конечно полыхнет, но его быстро задавят и начнут грести пушечное мясо... И чтобы этого не произошло, вам стоит немного сменить сферу деятельности подводного флота, может даже привлечь дирижабли, и вместо того, чтобы охотиться на транспорты, провести завоз ирландцам оружия, винтовок, пулеметов, пушек, бомбометов...

– Я вас понял. Это действительно может изменить ситуацию полностью выбив Англию из войны.

– Не знаю, насколько это реально, но можно провести агитрабату в Шотландии и Уэльсе, создав там какие-нибудь Фронты и Движения за освобождение. Но тут вам должно быть виднее. Я обстановкой не владею.

Николаи только кивнул головой, соглашаясь.

– Ну и в самой Англии попытаться раскрутить волну пацифизма с требованиями немедленно замириться и вернуть парней домой, для чего устраивать акции гражданского неповиновения.

– Да, пожалуй, можно попробовать...

– Так же можно попытаться отвлечь внимание САСШ от войны в Европе.

– Как?

– Через нейтралов доставить оружие и спецов в Мексику, где с десятого года бушует революция, поддержав там кого-то и объединить вокруг него остальных, создав угрозу для Техаса с его нефтью. За полгода можно управиться... Не забудем про Кубу, где только что слу-

чилось восстание, и американцы оккупировали остров. Так же Гаити и Санто-Доминго можно разжечь пламя борьбы с американскими оккупантами. Американцы вынуждены будут отвлечь силы именно на эти очаги при неясном финале в Европе они не захотят терять уже то, что имеют в руках. Ну вот, как-то так... вопрос лишь в том, на что хватит ваших ресурсов.

– На Англию точно хватит... А если выбить Англию, то САСШ сама отвалится.

Климов пожал плечами. В принципе ему было все равно, главное, чтобы во Франции власть окончательно взяли социалисты.

Собственно, на этом разговор был закончен. Так, обговорили различные технические мелочи. Обсудили лишь способ связи.

– В следующий раз устройте массовый побег пленных и среди них пустите своего агента с которым передадите ответ назад. Не надо больше почтальонов. А то я и с этим не знаю, что делать... – потребовал Климов.

– Хорошо.

10

Граф Игнатьев развил бешеную деятельность и буквально спустя неделю ФРФ обзавелся «лицом», довольно специфического вида надо сказать, что сразу вспоминается теория Ломброзо в плане «печати» плутоватости. Тип средних лет со здоровенными усами как у Тараса Бульбы с трубкой как у него же, и поведением как у Жириновского пополам с Муссолини. Но сейчас такое экзальтированное поведение, что называется в тренде, вспомнить того же недоброй памяти Адольфа... В общем зажигал на трибуне мама не горюй!

– Прохиндей еще тот, – отрекомендовал его генерал-майор. – Мелкий мошенник, по молодости успел отсидеть срок за махинацию, но мы поправили его биографию, теперь он борец за права рабочих, за что и пострадал в свое время от буржуазных властей. Ну и саму биографию чуть поправили... рабочий с захваченного на востоке немцами сталелитейного завода, так что концов не найти.

– Не сдаст?

– Нет. По крайней мере не сразу. Потом, когда наберет вес, наверняка попробует, но как говорится, коготок увяз – всей птичке пропасть. А так удивительно беспринципный тип, химически чистый мерзавец! Уверен, что знает он, что партия создана немцами, он и в этом случае бы не отказался от того, чтобы ее возглавить. Он хоть и мошенник, но быстро понял, что может взлететь так высоко, как ему и не снилось, а там такие возможности для махинаций!

– Главное, чтобы понимал, что падать с такой высоты будет не просто больно, а смертельно.

– И это тоже понимает. Он кто угодно, но точно не дурак.

– Если не секрет, где вы с ним пересеклись и для чего завербовали?

– Да какой там секрет, тем более от вас, Михаил Антонович, – усмехнулся граф. – Хотел меня этот паршивец облапошить пару лет назад, я ведь такими деньгами ворочаю, он это узнал, но это обычное дело... только с этим типом я чуть не сел в лужу, едва не подписал липовый контракт на несколько миллионов франков... Сам не понял, как в последний момент смог вырваться из его сетей, словно морок на меня навел... бывают такие люди, что умеют заговаривать. Гипнотизер проклятый... Не постучись ко мне в кабинет помощник... Он мне показался перспективным для какого-нибудь дела, где придется вот так же заболтать нужного мне человека, так что я ему организовал проблемы по линии полиции и сам же потом помог высочить, не от своего имени конечно, ведь официально именно я устроил ему преследование, а через посредника, через которого теперь держу с ним связь.

Дальнейшее стало делом техники. В партию вступили все те писатели, что в свое время сотрудничали с ФРФ присылая материалы и помогая распространять их в войсках и других городах, так что основной актив набрался быстро, а дальше партия начала обрастать мясом и не абы каким, а главным образом из солдат среди которых Революционный фронт получил особо широкую популярность.

Вел Михаил усиленную пропагандистскую деятельность и среди недавно прибывших во Францию солдат. Но если с саперами все было в общем-то на мази, набраны уже во время войны из тех же шахтеров, а офицеры – штатские инженеры прошедшие ускоренную военную подготовку, то с артиллеристами шло туго.

– Кадровые солдаты, власть офицеров им привычна, другой не знают и не понимают, – объяснял скромные результаты Родион Малиновский, что стал своеобразным политруком РОДа.

Климов позже собирался создать эту должность официально, и назначить это младшего прапорщика на нее, как только немного подрастет в чинах, хотя бы до штабс-капитана.

– Но постепенно мы их продавливаем. Еще пара месяцев и думаю они разродятся. Этому революция во Франции весьма поспособствовала. Своими глазами видят, что можно иначе жить, причем и в армии отношения могут быть другими, на что и упираем.

– А революция в России, что, мимо их сознания прошла?

– Так буржуазная ведь, для них мало что изменилось. А тут социалистическая, то есть народная и это их взбудоражило. Ну и пример в дивизии тоже влияет сильно. Наверное, это даже хорошо, что так туго с ними идет.

– С чего это? – удивился Климов выверту мысли Родиона.

– Более крепкими в новой идеологии станут. А то, мне некоторые наши солдаты чем-то флюгер напоминают, подует ветер с другой стороны, они туда же поворотятся, потому приходится постоянно контролировать обстановку.

Тут Малиновский был прав. РОД в какой-то момент подвергся самой настоящей атаке со стороны активистов различных партий социалистов и анархистов, внутренняя обстановка вновь начала накаляться, опять пошли споры и обсуждения. Они наконец поняли, что РОД – это весьма значимая военная сила, а главное практически не подвергшаяся разложению в плане дисциплины и конечно же все остро вспыхнуло желанием взять эту силу под свой контроль. Климову даже пришлось создать отряд военной полиции из идеологически стойких и верных СДПР, для отлавливания этих агитаторов.

Правда с названием пришлось помучиться. Слово «полиция» не подходило по политическим мотивам, очень уж народ не любил классических стражей порядка, коих называли не иначе как «держиморда». Подумал было назвать «карабинерами», но тоже не того, народ простой, быстро переименует в карабинов, что тоже не есть хорошо, так что в итоге обозвал витиевато и длинно, как стало модно и революционно: Дружина особой внутренней охраны дивизии (ДОВОД).

«А что, красиво подучилось! Особенно черная аббревиатура на красных повязках зачетно смотрится», – усмехнулся Климов.

Приходили договариваться и с ним, тот же Рапп, что оказался из партии эсеров. Чем-то Михаилу та встреча напомнила бандитскую «стрелку», где стороны начинали козырять значимыми в воровской среде именами, типа: а ты знаешь Витьку Вилку? А Джамшута Криворука? Так вот мы под ними ходим. А еще за нас может вписаться Сосошвили Резус. Ну да, мелкий такой и заросший по самые брови... А ты под кем ходишь, что так дерзко себя ведешь? Ни под кем? Так ты давай прогнись, жопу им подставь и все у тебя будет чики-пуки! Как сыр в масле будешь кататься!

Прогибаться Климов понятное дело не стал, и эти комиссары пообещали ему изрядные проблемы в будущем. Но в настоящем у них руки оказались коротки, что-то сделать, тем более во Франции даже несмотря на победу социалистов здесь.

«А потом случится октябрь, который ноябрь, и вы все вылетите в тираж, – подумал Михаил. – Ну а если раньше что-то начнет мутить, так у меня винтовочка есть пристреленная со снайперским прицелом...»

Климов, кстати, на будущее стал выискивать среди солдат тех, кто желал бы остаться в армии и продолжить службу на качественно новом уровне, по факту по контракту. Такие люди всегда найдутся, яркий пример все тот же Родион Малиновский, что уже не видел себя на гражданке.

Климов как-то завел с ним разговор на эту тему, дескать кем собираешься стать, когда вернемся домой.

– В армии хочу остаться и генералом стать, – прямо ответил тот, после короткой паузы.

«Ну это ты помелочился, – мысленно хмыкнул Михаил. – Цельным маршалом станешь! А то и вовсе генералиссимуса из тебя сделаю!»

Климов признавался себе, что испытывает некоторый пиетет перед будущим маршалом (наверное сказывалась своеобразная профдеформация личности) и всеми силами старался его к себе приблизить, но при этом не сильно выделять в откровенные любимчики ускоренно продвигая по служебной лестнице, что только навредило бы делу.

Он не знал каким был человеком Малиновский в зрелом возрасте, но по крайней мере порочащих слухов про него не слышал, как про тех же Ворошилова с Буденным, один балеринок натягивал, другой вообще педофил... (правда или нет – черт знает, но слушок прошел), но то, что Михаил видел сейчас ему откровенно нравилось: умный, живой и веселый парень схватывающий все налету и жаждущий большего, можно сказать прирожденный лихой командир. Все еще временами задиристый, но уровень борзости после всех произошедших изменений в дивизии и собственно карьерного роста все же резко упал, по крайней мере на самого Климова «лапу не задирали».

«С назначением в будущем его на должность политрука, это я пожалуй ошибся, – подумал Климов. – Хотя, одно другому не мешает. Вообще не стоит выводить подобные должности в отдельную структуру, опасно это и лишне, негативный опыт уже есть. Пусть политической работой с подчиненными занимаются непосредственные командиры, да на личном примере, так до солдат лучше станет доходить их слова, если эти командиры будут с ними из одного котла есть и в атаки рядом с ними плечом к плечу ходить».

Что до Малиновского, то Михаил хотел поставить его во главе будущего спецназа. По его мнению, Родион из тех, кто есть под рукой, для этого подойдет как никто другой.

– Хорошая цель. А есть еще такие, кто не хочет возвращаться на гражданку и предпочли бы остаться в армии? Особенно если будет знать, что тупо его бросать в штыковые на пулемёты не станут, а зарплату положат минимум втрое от зарплаты квалифицированного рабочего? Это для рядового.

– Хм-м... найдутся. Я сам несколько человек знаю таких что больше не хотят коровам хвосты крутить... но и рабочими становиться не хотят. Так-то особо об этом разговоров нет, нынешнее положение тоже мало кому нравится, но если озвучить такие условия...

– Поговори с людьми Родион. Можешь считать, что это тебе партийное задание. Нужно выпепить этих людей из общей массы и создать из них своеобразную гвардию РОД. На начальном этапе, пока будем во Франции, можно пообещать усиленный паек, удвоенное жалование и конечно же много тренировок.

Малиновский усмехнулся.

– Куда уж больше, товарищ полковник?!

– О, Родион, ты удивишься, узнав, насколько можно больше!

Тренировок в РОДу и так хватало. Климов создал систему обучения, но она была «на минималках» что ли. Ничего такого, но учили передвигаться, как самостоятельно, так и за танком, точнее бронетранспортерами. Удалось восстановить три машины из пяти. Но в целом с тренировками Михаил все же не пережимал, чтобы не настраивать солдат против себя.

Тех же, кто решит подписать контракт, Климов хотел начать натаскивать на бой в городских условиях, штурм домов, и тут реально придется потрудиться.

В первых числах августа во Францию из Македонии прибыла Вторая бригада или точнее то, что от нее осталось. В плане боеспособности, там осталось едва ли треть личного состава. Очень много раненых и больных.

Буржуйское правительство в этом вопросе пошло навстречу социалистам, так что проблем не возникло, ну и граф Игнатев подмазал кого надо.

Генерал-майор вообще после того, как получил конкретную перспективу преобразился до неузнаваемости, ну и перспективы надо думать его манили, шутка ли, стать во главе всей разведочной службы! Так что впахивал просто зверски, как говорится, за себя и за того парня. Приблизил к себе одного поэта.

– Так себе пиит этот прапорщик Николай Гумилев, но очень дельный и работоспособный, по сути, единственный кто реально работал среди всей этой прочей шоблы, так что как только я его к себе забрал, работа вообще встала, ха-ха!

«Вот еще одна знаковая личность», – подумал Михаил, хотя стихи этого распиаренного в свое время стихотворца ему тоже не зашли.

Что до Второй бригады то разагитировать солдат не составило труда. Собственно, как только узнали, как все произошло в дивизии, на лицах их читался только один вопрос: «А что, так можно было?!»

Ну и по примеру своих товарищей тоже выразили вотум недоверия командованию, оставили лишь вменяемых командиров младшего и среднего звена, но мало, так что пришлось повторить опыт с повышениями унтеров и фельдфебелей после дополнительного обучения.

Дивизия с прибытием Второй бригады, хоть и покоцанной, стала совсем уж тяжелой в управлении, но в мирное время Михаил пока справлялся. Кроме того, он в скором времени собирался вывести большую часть рабочих из боевых подразделений, переведя в технические. Все-таки терять таких кадров было бы глупо с какой стороны ни посмотри.

А техникой он собирался разжиться и в довольно большом количестве всеми возможными способами вплоть до самых криминальных, причем не только танками, но и самолетами, и все это хозяйство надо кому-то грамотно обслуживать.

11

Десятого августа в очередной раз к нему приехала Елена с кипой газет, помимо очередной партии брошюр, и неофициальной информацией, собранной всеми возможными способами. До газет правда дошли не скоро...

– Расскажи своими словами, что там понаписали, – попросил Михаил, легонько лаская руками грудь Елены лежащей у него спиной на животе.

– М-м... Если очень грубо, то Леон Блюм сговорился с Пуанкаре. Надо думать на него давят англичане и американцы... чем-то они его шантажируют... но не лично, а скорее угрозой подточить его власть внешними проблемами... вроде как англичане угрожают оборвать грузопоток из колоний... а Франция сейчас очень сильно зависит от внешних поставок всего и вся, то же зерно... что может привести к хлебному бунту и тогда его власть пошатнется...

«Хм-м... может на этом сыграть ФРФ? – невольно подумал Михаил. – Надо подбросить мысль на эту тему Игнатьеву. Дескать Леон слаб, раз боится, что мы, французы падем к ногам наглых лайми, стоит только им лишить нас хлеба... В общем нажать надо на национальную гордость...»

– М-м... В общем в газетах стали муссировать слухи, что для заключения выгодного и достойного мира с германцами, чего требуют социалисты и жаждет народ, нужно сначала занять более выгодные позиции на поле боя...

– Значит хотят устроить еще одно наступление?

– Да...

Елена не выдержала и положив свои ладони на руки Климова его же пальцами с силой сдвинула свои груди и выгнулась дугой.

– М-м... Даже название вроде как придумали... и не одно... и все идиотские до ужаса...

– Какие?

– Битва за мир... мирное наступление... атака во имя мира... и тому подобное...

Елена, распалившись ласками, перевернулась и дальше снова стало не до разговоров.

Когда она уехала Михаил все-таки ознакомился с газетами, но в общем только время потерял, Елена все обсказала точно – власть методично обрабатывала население формируя у него мнение, что требуется приложить еще одно усилие, провести еще одну мощную атаку, еще один решительный бой ударив всеми силами, и вот тогда наконец наступит долгожданный мир и всеобщее счастье.

СССР, кстати, несмотря на усилия левых радикалов, так и не решились на национализацию военных предприятий, а так же банков. Но это и неудивительно, ведь Леона Блюма можно было назвать классическим меньшевиком, да и просто убоился, прибить ведь могут без затей. Банкиры действуют очень жестко, когда чувствуют угрозу своим капиталам. Из-за этого начались первые склоки внутри Союза, более радикально настроенные партии требовали национализации.

– И на этом тоже может сыграть ФРФ. Дескать революция оказалась половинчатой и если не доделать все до конца, то рано или поздно все вернется на круги своя и банкиры вновь станут теневыми хозяевами республики...

Пролистывая газеты, не особо вникая в суть различных статей, глаз зацепился в одной американской газете за специфическое словосочетание «детектор лжи».

– Хм-м... я думал, что полиграф позже придумали, годах так в тридцатых, а он оказывается вот уже как пару лет активно используется...

Посмотрев статью в которой сообщалось о разоблачении в САСШ с помощью сего прибора германского шпиона, Михаил продолжил «газетный серфинг», но в голове где-то на

задворках сознания продолжала крутиться мысль про полиграф, но вскоре она окончательно растворилась задавленная новыми делами и заботами.

В конце августа в городе Ле-Ман состоялась конференция союзников на которой постановили, что «Битве за мир» быть. В ней от России участвовал генерал-майор Занкевич и он же обрадовал РОД участием в этой затее. Примерная дата – середина сентября.

Солдатам это конечно сильно не понравилось. Вспыхнули волнения:

– Не хотим воевать!

– Долой войну!

– Домой!

Занкевич с комиссарами глядя на такое дело тут же умотал в Париж и пришлось разгребать Климову.

– Товарищи солдаты! Тихо!

Когда солдаты немного успокоились, он продолжил:

– Вы правы, мы достаточно навоевались за Францию, но из песни слов не выкинуть. И мы все же еще до сих пор союзники Франции, так что деваться нам некуда, товарищи. Но наша дивизия встанет в резерве, так что первый удар на себя примут свежие силы прибывшие на фронт из Америки. Можно, конечно, устроить бунт. Только его жестоко подавят, те же американцы так что потери РОДа в этом случае окажутся как бы не больше, чем при участии в наступлении в первых рядах.

Это солдат немного остудило. Что до того, где именно поставят дивизию Климову, было неважно, на это наступление у него имелись свои планы.

Началась переброска сил. РОД переместили на позиции чуть южнее города Камбре, определив участок в десять километров. Слева стояли американцы, а в резерве португальская бригада. Севернее Камбре расположились англичане вперемежку с французами.

Дату наступления по каким-то причинам то и дело сдвигали, и в итоге назначили на первое октября... когда вновь полили дожди.

«Хотя фиг их знает, может специально непогоды по каким-то своим резонам дожидались?» – подумал полковник Климов.

В тылу разместилась французская танковая дивизия. Климов сходил посмотреть на танки вживую, а то ни разу их не видел, только на картинках.

– Перед вами в прорыв пойдет десять средних танков СА-1 «шнейдер» и двадцать легких «Рено» FT-17.

FT-17 выглядели как-то несерьезно, словно игрушечные, казалось, что они в принципе не могли преодолеть полноценные окопы, кои даже для средних танков являлись серьезной преградой. О чем и сказал Михаил. Но как выяснилось, французы все-таки не полные кретины и тоже этот момент учитывали, а потому имелись машины поддержки.

Вслед за танками должны двигаться тягачи, тянущие за собой две платформы. На первой смонтирован кран, а на второй собственно мосты, по три штуки на платформе.

Учили союзники и опыт Климова, а именно танки «шнейдер» потащат за собой по два транспортных модуля с солдатами (по взводу в модуле), кои должны заняться очисткой немецких окопов первой линии и тем самым обеспечить безопасность установки мостов и подход остальной живой силы.

В общем в теории все должно выглядеть следующим образом – танки прорываются к окопам противника и дают засевших солдат огнем. Пехота ведет зачистку собственно траншей и убежищ расширяя зону безопасности, а так же отражают возможные контратаки. Тем временем ставятся мосты и танки прорываются дальше ко второй линии окопов и все повторяется. Зачищается весь первый эшелон обороны, потом вслед за огневым валом начинается новая атака.

Выглядело красиво, оставался вопрос, что подготовили на такой случай немцы? И узнать это Михаил на собственном опыте желанием не горел от слова совсем.

Двадцать седьмого сентября, ночью, со стороны противника побежала куча людей. Заша-рили прожектора, с той стороны застучали пулеметы... в итоге до русских позиций добежало около сотни человек.

Массовый побег пленных. Ага.

Климов уже начал думать, что у Николаи что-то не срослось, а может немцы решили отразить атаку и лишь потом устроить свою. Но нет.

Вот и курьер. Немец, но по-русски говорил чисто.

Прочел послание.

– Мой ответ «да», – сказал Михаил, сжигая послание от полковника Николаи.

Курьер вывесил условный сигнал. Собственно, он по договоренности до самого последнего момента должен давать сигналы каждые полчаса и немцев можно понять. А ну как тут ловушка для них подготовлена и собраны дополнительные силы? Ну или Климов не сдержит слово?

Михаил был уверен, что у него в тылу сейчас полно подобных разведчиков и что они тоже вывешивают свои сигналы, что отслеживает этот курьер, не зря же у него подзорная труба имеется....

12

– Ну что же... начинаем операцию «Месть орков», – выдохнул полковник Михаил Климов, давя в себе легкую дрожь мандража. – Так вы нас будете звать в недалеком будущем – орками... И писатель, написавший про мохноногих коротышек пробиравшихся через толпы этих монстров со своим кольцом к вулкану – Толкиен, где-то не так далеко обретается... надеюсь немцы его грохнут. Или он уже успел заболеть окопной лихорадкой и свалил обратно в Англию? Кстати, если уж на то пошло, то и Черчилль наш Уинстон вроде должен быть здесь?

То, что полковник собирался сделать, подводило определенную красную черту, переступив которую вернуться назад уже не получится при всем желании и придется идти только вперед, и чем быстрее, тем лучше, так что даже не остановиться чтобы передохнуть потому как иначе все тут же передохнут.

Еще раз глубоко вдохнув, Климов призывно махнув рукой взводу дружинников буквально ворвался в штаб дивизии и отдал приказ:

– Арестовать всех французов!

– Что происходит?! – начал возмущаться французский капитан, когда его самого и двух его помощников из числа лейтенантов грубо разоружив, начали вязать.

Но Михаил их вопли проигнорировал. Связанных французов утащили, но в штабе осталось отделение дружинников.

– Господин... полковник, что происходит? – скосив глаза на солдат с помповыми «винчестерами» в руках, спросил подполковник Межак, переведенный в дивизию в конце октября прошлого года и ставший начальником штаба.

– Нас предали Петр Андреевич... в очередной раз... впрочем, я этому почему-то ни разу не удивлен... А вы?

– Да что случилось?! Объясните наконец!

– Вчера ночью по моему приказу провели очередную разведывательную вылазку и удалось взять пленного офицера в звании капитана, от него я узнал много чего интересного...

– Что же?

– То, что немцы одновременно с атакой французов готовят встречный удар. А теперь догадайтесь с трех раз, на каком именно участке?

– На нашем?... – с некоторой растерянностью ответил подполковник Межак.

– Бинго! Вы правы Петр Андреевич. Как думаю все понимают, что германцы в этом случае нас просто сметут, ведь наш участок считается второстепенным в наступательной операции и резервов за нами кот наплакал, да и качество их прямо сказать сомнительное. Но в действительности, как я понял, это все одна грандиозная ловушка для немцев ради срабатывания которой нами решили пожертвовать...

– То есть?

– Союзники знали о готовящемся наступлении немцев. Собственно, на фоне произошедших событий это, как вы понимаете сами напрашивается само собой, только дурак бы не воспользовался раздраем среди французской власти, чтобы нанести сокрушительный удар и окончательно развалить силы противника, а немцы точно не дураки. Но англичане об этом конечно узнали и потому сделали все, чтобы хоть ненадолго но объединить французов для укрепления обороны, хотя во всех газетах писали о наступлении во имя мира. Как сейчас выясняется, это просто подготовленная ловушка... потому и само наступление якобы переносили несколько раз, потому что ждали атаки немцев и нас поставили на острие их удара. Надеюсь, никому не надо объяснять, почему нами решили пожертвовать?

– Все же поясните...

– Потому что нас хотят уничтожить как существенную военную силу и мы не смогли вернуться домой с этой силой дабы нанести порядок в той вакханалии, что нам приготовили. Как вы знаете, немцы в опломбированных вагонах пропустили из Швейцарии большую группу революционеров радикального марксистского толка...

Собравшиеся в штабе закивали головами. Климов и постарался, чтобы они обо всем этом узнали в подробностях.

– Но ладно, немцы наши враги и хотят нашего падения для чего решили разрушить государство изнутри руками этих революционеров. Но задайтесь вопросом, а почему этих революционеров пропустили те же англичане? Почему они не потребовали от тех стран, через которые двигались эти революционеры их задержать? Ну хорошо, не смогли... допустим. Хотя лично я в это не верю. Но ведь помимо Ленина в Россию пропустили Троцкого! А вот его «пломбированный пароход» точно могли задержать. Так что делайте выводы, господа.

Штабисты нахмурились. Дураками они тоже не являлись, два плюс два сложить могли.

– Да, все правильно, они хотят сместить Временное правительство, что подтвердило свои союзнические обязательства и является правопреемником царского режима, а значит к нему применимы и ответные обязательства союзников по Антанте. Вы сами не хуже меня знаете, что обещали царю... и конечно же никто не собирается нам всего этого отдавать и делиться прочими плодами победы. Скоро Временное правительство падет, все эти марксисты: ленинцы и троцкисты только и кричат о мире, а значит сепаратно заключат его с немцами, и Россия вылетит из числа стран-победителей. Дальше союзники разобьют Германию, ведь немцы исчерпали все свои людские ресурсы, они на последнем издыхании, в то время как у союзников еще полно возможностей, те же американцы из САСШ... они планируют перебросить в Европу больше миллиона солдат, а еще могут подтянуть очень много сил из Южной Америки, Африки, Азии, да хоть тех же китайцев в огромном количестве «купить».

Михаил окинул взором штабных, смотря все ли осознавали ситуацию, после чего продолжил нагнетать обстановку:

– Так вот, наш РОД, это сила, которая в случае чего могла навести дома порядок и выбить всех этих купленных банкирами и иностранными разведками революционеров из России. Собственно думаю ни для кого из вас не секрет, что Временное правительство обеспокоенное деятельностью этих засланных к нам революционеров уже несколько раз запрашивало союзников о возвращении дивизии обратно, но союзники под разным предлогом отказывались... А все потому, что англичанам и прочим союзникам этого конечно же не надо, для чего и подставили нас под главный удар немцев. По их мнению, мы ценою своих жизней должны задержать германцев, заставить их сконцентрироваться, а они за это время подтянут силы с севера и нанесут сокрушительный удар. Вот так-то господа, нас слили в сортир как кучу дерьма.

Штабисты полыхнули возмущением гневом, но не на Климова за неприятное сравнение с отходами жизнедеятельности, а на союзников, что обрекли их на смерть. Не верить Климову причин у них не имелось. О том, что англичане могут устроить что-то подобное, тоже никто не усомнился.

Опять же, зря что ли Михаил капал им на мозги все это время подгоняя им брошюрки (активисты тайно им подбрасывали) которые можно было объединить под одним заголовком «Англичанка гадит», где расписывалась история предательства и откровенно враждебного поведения Англии. Расписывал главным образом факты поставок оружия немирным горцам из-за чего война на Кавказе полыхала столетиями, а так же о поставках оружия в Среднюю Азию, ну и конечно же расписывалось участие Англии в Русско-Японской войне, этом позоре России, не заживающей ране в самосознании военного сословия, породившей комплекс неполноценности, что только усилился после всех этих революционных пертурбаций и военных неудач на фронте.

И снова подгонялись факты так, чтобы все эти неудачи объяснялись невыполнением Англией своих обязательств по поставкам оружия, снарядов, взрывчатки и всего прочего, чтобы мы точно не победили и не взяли Берлин, хотя могли сделать это еще в пятнадцатом, но не дали снарядов и мы вынуждены были отступить. И так далее и тому подобное, Климов, как и почти любой житель двадцать первого века прекрасно знал толк в демагогии и пользовался сей способностью на всю катушку. Тем более что с имеющимися историческими фактами это сделать было легче легкого.

Климов сознательно, такими точечными ударами по «больным местам» офицерства и дворянства, фигурально выражаясь, сжимал эмоциональную пружину, чтобы она в нужный момент освободившись, ударила в ответ всей своей накопленной силой по врагу, по тому, на кого он укажет. И она высвободилась...

– И что же нам делать? – спросил капитан Маслов.

– Мстить. Они послали нас на смерть? Так пусть теперь сами отведают своей каши... Приказываю, арестовать всех французских представителей в полках и батальонах, и начать отвод всех частей дивизии на третий рубеж обороны.

Штабные неуверенно посмотрели на Климова. Как дошло до дела, то многие замялись. Аж плевать захотелось.

– Выполнять!

Окрик ли подействовал или суровые взгляды дружинников, что все еще находились в штабе и стояли за спиной командира РОДа, но штабные наконец взялись за трубки телефонных аппаратов...

13

Одновременно с обзвоном полковых штабов, а командиры полков передавали приказ в батальоны и роты Климов рассылал вестовых для сбора партактива, а так же председателей Солдатских комитетов, что за редким исключением теперь являлись одни и те же люди.

Пока основная масса солдат двигалась на запад ничего не понимая, собрались актив СДПР и Солдатских комитетов пред которыми Михаил так же толкнул речь:

– Товарищи, французы нас предали. Мало того, что они обманули нас и поставили на передовую, а не в резерв, как мне было обещано, так еще недавно выяснилось, что мы окажемся на острие главного наступательного удара германцев и это как вы понимаете не случайность. Как это ни печально осознавать, но идеи интернационализма не распространяются на русских, ибо своя рубашка ближе к телу и нами решили пожертвовать...

Солдаты возмущенно загудели и Михаилу пришлось постараться, чтобы вновь установилась тишина.

– Тише товарищи, спокойно... Солдаты доверили мне свои жизни, выбрав меня командиром дивизии и во исполнение своих обязательств я принял решение в ответ на такой кунштюк, оставить фронт и... мы возвращаемся домой.

После нескольких секунд молчания, когда солдаты, унтера и младшие офицеры не веряще смотрели на Климова, слишком резко они получили того, что все так хотели, о чем мечтали, тишину в один момент поглотили крики:

– Да!

– Правильно!

– Верно! Нехай сами воюют и подышают за свои виноградники!

– Домой!

– Хватит вшей кормить!

– Ура!

Пережить эту бурю радостного гвалта пришлось долго, но наконец все снова успокоились.

– Товарищи, путь домой будет небыстрым и опасным. Нам такого никто не простит, как они посчитают нашего предательства и постараются наказать. Потому я прошу вас всеми силами поддерживать дисциплину в своих подразделениях, ибо надеюсь все понимают, что если мы превратимся в толпу, а на радостях от возвращения домой у солдат начнет срывать крышу даже без спиртного, то мы не сможем пробиться до побережья, где я планирую захватить корабли.

– Понимаем товарищ полковник!

– Удержим товарищ полковник, не сомневайтесь!

– От они у нас где! – сжал пудовый кулак один из прапорщиков, что вышел из фельдфебелей. – Самых буйных сами окоротим! Все будет как надо, не сомневайтесь, товарищ полковник!

Надо ли говорить с каким бешеным ликованием встретили солдаты сообщение о том, что их сорвали с фронта не просто для передислокации на какое-то другое место, а то, что они сейчас поедут домой? Гул от воплей стоял как в растревоженном улье, многие от избытка чувств начали стрелять в воздух, обнимались, кричали «ура».

Эта свистопляска длилась где-то около часа, пока наконец младший комсостав из офицеров и унтеров не уняли своих подчиненных и дивизия вновь стала управляемой.

Малиновский надо сказать, после того разговора с Климовым, когда Михаил предложил Родиону провести зондаж на тему, кто из солдат в перспективе хочет остаться в армии, развил бурную деятельность и получив дополнительное разрешение, начал отбор желающих. На

данный момент набралась целая рота, кою полковник выделил в отдельное подразделение, что стало заниматься по своей программе.

Пока простые солдаты ликовали, Климов ставил задачу «контрактикам», коим факт того, что они поедут скоро домой по большому счету, был до фонаря, типа армия теперь их дом, им и во Франции неплохо.

– Товарищи, как вы уже знаете, нас предали и по этой причине мы срываемся в поход домой. Но позади стоят франки с танками, коих если мы не захватим обязательно попьют нашей крови. Так что грузимся в транспортные модули, едем к ним в «гости» и вяжем без шума и пыли. Стараемся обходиться без смертоубийства, но если появится хоть малейшая угроза вашей жизни, валите всех наглухо.

Климов прошелся вдоль строя своей «гвардии» состоящей в основном из молодых крепких крестьянских парней... рабочие в армии оставаться желанием не горели, хотя парочка добровольцев все же нашлось, они стали своеобразными инструкторами по обращению с оружием. Не богатыри конечно а-ля Илья Муромец, но вполне... средний рост сто семьдесят сантиметров. Во Францию отбирали лучших, так что всякие откровенные полутораметровые задохлики остались в России.

– Задачу поняли, товарищи?

– Так точно, товарищ полковник!

– Тогда по машинам!

И вот сейчас эта рота под непосредственным командованием Малиновского, что по такому случаю получил следующее звание – прапорщик, двинулась в распоряжение французской танковой части, что прямо в эти минуты готовилась ринуться в атаку.

Прибытие трех транспортеров конечно же не осталось незамеченным и навстречу прибыл командир танкистов полковник Мюрат, бывший кавалерист и даже вроде каким-то боком родственник того самого Мюрата...

– Что вы тут делаете? Зачем приехали? Что случилось?

Климов, соскочив с одного из транспортёров продолжившего движение, спешно двинулся навстречу, своим встревоженным видом привлекая все внимание Мюрата на себя.

– Что происходит?! – недоуменно начал вопрошать француз, увидев, как из модулей начали высыпать солдаты с «мексиканками» и помповыми «винчестерами» в полном боевом обвесе.

После чего бойцы устремились к французским танкистам и обслуживающему персоналу.

– Не дергайтесь, господин полковник, – сказал Михаил, наставив на француза пистолет.

– Что вы творите?!

Солдаты тем временем валили французов на землю, кого-то сбивали с ног ударами прикладов в лицо или в живот и начинали вязать. Не так уж и много тут французов оказалось, под сотню человек – экипажи, еще три десятка – обслуга и взвод охраны.

Вот охрана схватилась за оружие по приказу своего молодого и горячего командира.

Малиновский по-французски кричал им чтобы они сдавались и сложили оружие, но там нашлись идиоты решившие поиграть в героев.

Грянул выстрел, и Родион упал.

«Ах ты ж!» – резко врезав своему визави в челюсть, так что тот рухнул на землю без памяти, и разоружив, Климов бросился к Малиновскому.

Тут же затрещали частые выстрелы «мексиканок» и «винчестеров», что буквально изрешетили французских солдат оказавшихся без брони, в ответ прозвучало лишь еще пара выстрелов, но либо в землю, либо в небо.

К Малиновскому кинулось несколько солдат, но тот уже заворочался сам, что-то злобно рыча. Его тут же освободили от доспеха, на правом боку у него расплывалось темное пятно. Быстро задрали форму. Тут выяснилось, что Родион отделался достаточно легко, пуля про-

бив пластину доспеха потеряла убойную силу, деформировалась и за счет этого вошла совсем неглубоко, хотя рана с виду выглядела очень нехорошо – рваной.

Рану, вскрыв индивидуальную аптечку самого Родиона, густо обсыпали стрептоцидом и забинтовали.

– Ничего, сейчас врач тебя мигом прооперирует и заштопает... Как раз к нему сейчас поедem... Но больше так не подставляйся.

Старший врач, коллежский советник Михаил Рейдборге, с частью подчиненных медиков, находился в расположении артбригады, там же неподалеку и госпиталь развернули для первичной обработки раненых.

– Не буду, товарищ полковник... – зло ответил Родион, исподлобья сверкнул глазами в сторону валяющихся французских солдат и поморщившись, добавил: – Обещаю.

«Похоже, что в этот момент он окончательно провел для себя переоценку каких-то ценностей, что и неудивительно при таких-то обстоятельствах», – подумал Михаил и кивнул.

В остальном захват произошел без проблем. Французы просто не ожидали ничего подобного со стороны русских, так что ничего удивительного. Никто не успел запереться в танке и тем более угнать хоть одну машину. Тех танкистов, что в момент захвата оказались в танках попросили на выход и они вылезли. Да и как не вылезти, когда тебе в ином случае угрожают поджогом и демонстрируют бутылку с горючим?

– Вы отправитесь под трибунал!!! – заверещал пришедший в сознание полковник Мюрат, правда двигался пошатываясь, как капитан Джек Воробей. – Вас казнят! Повесят! Вы понимаете это?!!

– Да заткнись ты уже, а то одним трупом больше, одним меньше...

Мюрат замолк, а Климов стал ждать подхода дивизии. Успокоившихся солдат должны были повести дальше на запад к железной дороге, по которой все еще активно сновали составы завозя боеприпасы, топливо и продовольствие со всем прочим необходимым. Ну и готовились составы для вывоза раненых кои должны появиться в огромном количестве в первый же день наступления.

Тем временем началась артподготовка – русская артбригада начала свою реальную боевую работу. Не отставали французы. Громыхало справа и слева. Пронеслись над головами самолетные эскадрильи истребителей и бомбардировщиков...

«Теперь надо с Беляевым разобраться...» – подумал Михаил.

Солдат в артбригаде постепенно переманивали на свою сторону, но пока они все еще оставались верны своим командирам, хотя уже не так однозначно, так что комсостав следовало вывести из игры одним махом. Вот только Михаил не очень понимал, как это сделать.

– Ладно, положусь на авось... Хотя чего я ерундой страдаю? Просто возьму и без затей арестую. Надо только, чтобы он дал для этого хоть малейший повод. Но зная его манеру общаться с младшими по званию и особенно его неприятие меня, за ним упороть косяк не заржавеет...

14

Первыми прибыли роты из солдат рабочих первого полка и активисты СДПР. Климов рабочих все еще не вывел в не боевые подразделения ремонтников (ремонтировать-то пока особо нечего), но с помощью своих поделщиков выявил достаточно компетентных механиков-мотористов, а так же водителей, кои занимались тракторами-транспортёрами. Водителей понятное дело набирал с запасом, так что они сейчас пригодились.

– Погнали!

Что до активистов, то они должны были все объяснить рядовым артиллеристам.

Усиленная французскими танками рота «гвардейцев» двинулась к артиллеристам. Артиллеристы увидев танки всполошились, ведь они вообще-то сейчас должны катиться в совершенно противоположном направлении, а если едут к ним, то произошло что-то из ряда вон. Так-то они правы, действительно из ряда вон...

Навстречу помчался генерал-майор Беляев чуть ли не со всей своей штабной свитой, дабы узнать, что произошло. Вместе с ними прибежали и французские представители. Встреча произошла возле одного из орудий. Михаил специально так остановился, чтобы имелись свидетели разговора из простых артиллеристов.

Увидев Климова, Беляев оторопел.

– Что вы тут делаете, полковник?! Почему тут танки? И где тогда французы?!

– Союзники нас предали, господин генерал-майор! – затащил свою «песню о главном» Михаил. – Они подставили нас под главный удар немцев!

И тут Беляев повел себя так как надеялся Климов. Генерал старой школы, не считавший людей и даже более того, не считавший людей за людей, буквально завопил:

– Что за глупости вы тут говорите?! Немедленно вернитесь на свои позиции и атакуйте! Вы недостойны быть командиром дивизии! Я об этом говорил с самого начала! И вот результат!

– Господин генерал-майор, я же только что объяснил вам, что нас подставили под основной удар германцев! Противник, подловив нас на атаке, мощно контратакует, пройдет по нам паровым катком и сомнет похода! РОД перестанет существовать как боевая единица!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.